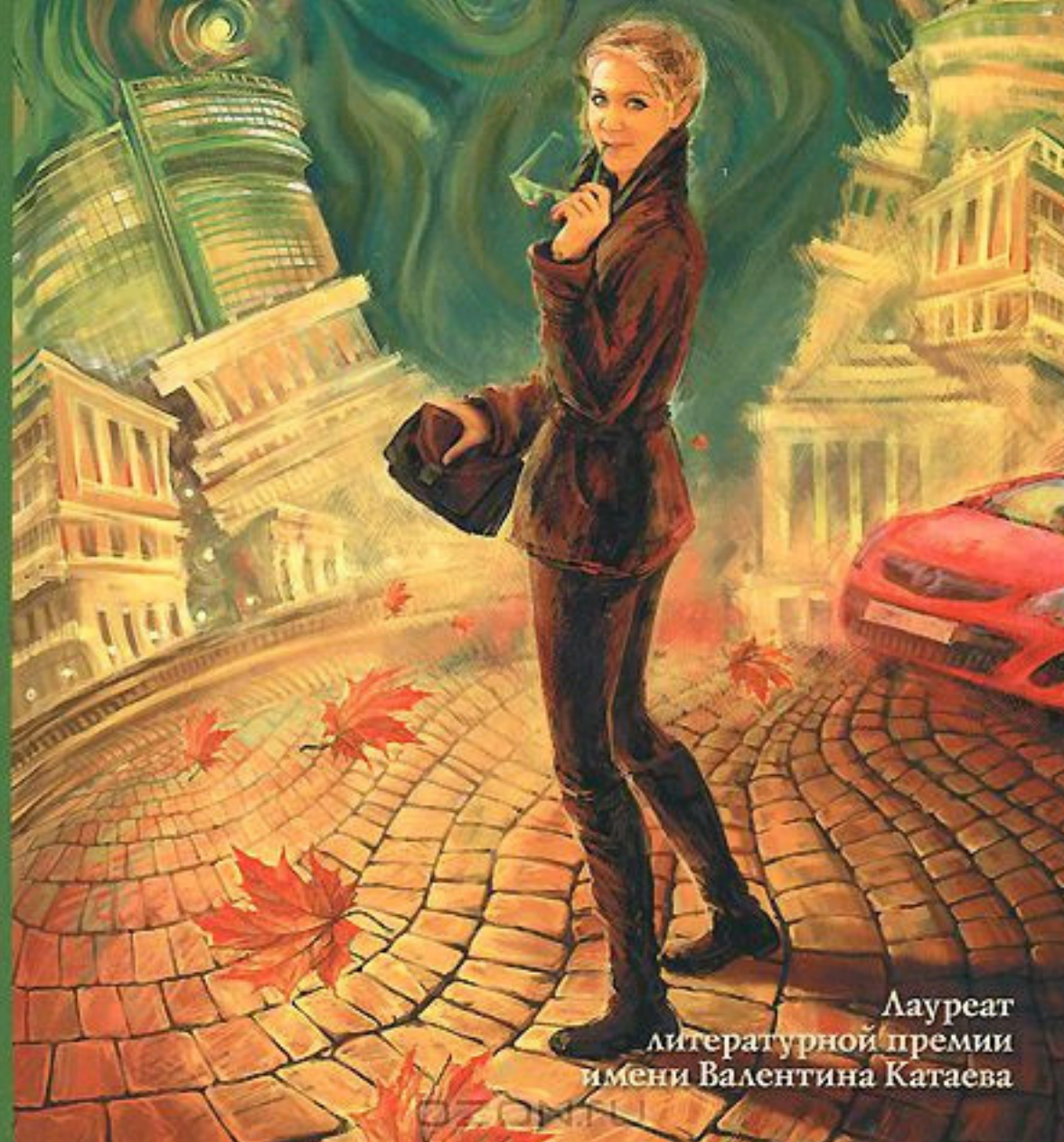

Н а т а л и я
Т е р е н т ь е в а

похожая на человека и
УДИВИТЕЛЬНАЯ

Лауреат
литературной премии
имени Валентина Катаева

Наталия Терентьева

**Похожая на человека
и удивительная**

«АСТ»

2013

Терентьева Н. М.

Похожая на человека и удивительная / Н. М. Терентьева —
«АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-077189-9

Успешная столичная журналистка Лика Борга привыкла сама справляться и с трудностями, и с одиночеством. Но в результате аварии она приобретает удивительный дар, начинающий неумолимо менять ее жизнь. Как не потеряться в огромном равнодушном мегаполисе? Судьба предлагает Лике очень неожиданный рецепт: не хочешь быть одиноким – услышь другого. И дальше – вмешайся, помоги, возьми на себя часть его боли и проблем. И твой мир наполнится теплом, светом... и любовью! Увлекательный роман московской писательницы Наталии Терентьевой – удача для всех, кто выбирает хорошую прозу, ценит легкий и ироничный стиль, меткий психологизм и завораживающие повороты сюжета. В нем есть интрига, надежда, тайна... Книга издана в авторской редакции, орфографии и пунктуации.

ISBN 978-5-17-077189-9

© Терентьева Н. М., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	50
Глава 14	55
Глава 15	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталия Терентьева

Похожая на человека и удивительная

Моей маме, с бесконечной любовью, посвящается

Глава 1

*«Тот, кто надзирает над этим миром на высшем небе,
Только он знает. А может быть, и он не знает?»*

Ригведа. «Гимн о сотворении мира»

Это случилось внезапно. И я точно знаю, когда это произошло. Мне ничего не остается, как верить в это и жить с этим, потому что иначе не получается.

Я пытаюсь восстановить события того утра. Точнее, не события, а ощущения, поскольку я лежала неподвижно, с ногой, привязанной на растяжке.

В ту ночь мне приснился папа. Папа пропал без вести десять лет назад и, как и положено покойникам, снился мне ночами, когда шел дождь и мокрый снег. Но в ту ночь не было ни дождя, ни снега. Ночь была прохладная и сухая, обычная апрельская ночь. Папа в моем сне звал меня поехать на море, а я объясняла: «Да как же я поеду, ты же знаешь, если я сяду в самолет, он обязательно разобьется! А там, кроме меня, будет еще много людей...»

Проснувшись, я первым делом посмотрела в окно. Да нет, никаких признаков плохой погоды. Думать, почему должен разбиться самолет, в котором именно я полечу, я не стала. В палату вошел Константин Игоревич, мой лечащий врач.

И еще до того, как он, тяжело вздохнув, собрался спросить меня, как дела, я поняла, что у него очень сильная изжога. Она мучила его ночью, мучает и сейчас. Изжога у него бывает всегда, когда он ест тяжелые, толстые котлеты, которые жарит его теща, теперь уже бывшая. Но вчера он навещал сына и съел вместе с ним котлету. И теперь ему нехорошо и тошно, тянет желудок, печёт пищевод, и вдобавок остро, резко дергает печень. Все это за секунду пронеслось у меня в голове, одной, очень понятной и простой картинкой.

– Откройте, – кивнула я на бутылку «Ессентуков», стоявшую у меня на столике у кровати. – С пузырьками гораздо лучше, врачи просто не понимают. Сразу все пройдет.

– А... – начал было Константин Игоревич и осекся.

Секунду помедлив, он подошел к моему столику, открыл бутылку минеральной воды и с удовольствием выпил сразу полбутылки.

– Сейчас будет лучше, – сказала я. – Больше их не ешьте.

Константин Игоревич стоял передо мной. В одной руке у него была бутылка, в другой – металлическая крышечка. От растерянности врач замер с поднятыми руками. Потом не глядя поставил бутылку на столик, на самый край, чуть не уронив ее, пытаясь приспособить как-то на место крышечку, и стал отступать к выходу, бормоча:

– Ага, ну вот... Сейчас мы только... Прекрасненько...

Я подумала, что, если он вернется с психиатром, ничего удивительного не будет. Но он просто в тот день ко мне больше не зашел. Зато зашла медсестра Зоя Павловна.

Обдав меня довольно крепким запахом рижских духов (где она только их сейчас покупает?), Зоя Павловна решительно прикрепила мне тонометр и спросила:

– Как спалось?

– Нормально, – ответила я, понимая, что хуже, чем сегодня рано утром поступил с Зоей Павловной ее любовник, молодой татарин Рафаэль, поступить с женщиной просто нельзя.

Конечно, она же христианка, для него – неверная, с которой можно делать все, что угодно, ни бог, ни люди не осудят. Вспоминать это невозможно, а забыть просто нельзя. Вот и как теперь жить, ощущая себя... Да нет! И слов-то таких нету! И никто не поймет, как ей тошно смотреть теперь на мужчин! И на женщин, с которыми так не поступали, как с ней...

Мне захотелось сказать Зое Павловне что-нибудь хорошее, несмотря на то что она туго перетянула мне ноющую после аварии руку и, померив давление, резко сдернула рукав тонометра.

– Зочка Пална, а вы в восьмидесятом году, когда в Москве была Олимпиада, еще в школе учились? – спросила я невзначай.

– Я? – оторопела Зоя Павловна. – Нет... То есть... А что? – тут же подобралась она, подозрительно глядя на меня.

– Ничего... Просто... Думаю, может, мы в одной школе учились, вы похожи на одну девочку, на год старше меня была. Зойка... Красивая, гордая такая...

Зоя Павловна коротко засмеялась. Плечи расправила, но всё же спросила потом:

– Что? Попросить чего-нибудь хочешь? Принести тебе чего-нибудь? Купить коньячка? Или окошко открыть, покурить хочешь?

– Да я не курю вообще-то, – вздохнула я.

– Вот и не кури, – Зоя Павловна похлопала меня по здоровой ноге. – Школу я на десять лет раньше тебя закончила. А если что надо, так и скажи.

Она одним движением сгребла скомканные салфетки с моего столика и пошла к выходу.

Сама не знаю, почему я взяла и сказала ей вслед:

– Я думаю, лучше быть одной, чем такое терпеть...

Зоя Павловна вздрогнула и обернулась:

– Что?

Я закрыла глаза, понимая, что лучше мне сейчас больше ничего не говорить.

Глава 2

Утро было тихое и прозрачное. Нормальное апрельское утро, каким оно, наверно, и должно быть. Таких дней в апреле наберешь – раз, два и обчелся, – когда весна кажется весной, а не муторно и бесконечно тянущимся, промозглым ноябрем, имеющим право на среднерусской равнине длиться полгода.

Откуда я, собственно, знаю, что такое нормально? Почему-то мне кажется, что в моем детстве все было по-другому. По-другому шло время, и весны хватало, чтобы вдоволь надышаться прелым снегом, насмотреться на пронзительное синее небо с резкими силуэтами черных веток на нем, готовых взорваться новой жизнью...

Я осторожно нажала ногой, с которой только что сняли гипс, на педаль. Нормальная моя нога. И ничего, что маленький кусочек моего сустава сделан теперь из какого-то металла с гибкой пластиковой скобой. Металлопласт, иными словами. Как немецкие трубы «Рехау» в моей новой квартире. Новая квартира, новая нога... Что еще приготовила мне жизнь в этом году, так хорошо, весело начавшемся и вдруг резко затормозившем вместе с моей машиной, потерявшей равновесие на небольшом сугробе во дворе и плюхнувшейся на собственный бок? Плюхнувшейся тяжело, всей своей двухтонной массой, и замершей в неудобной, странной позе?

Я помню все отлично. Как сидела, точнее, лежала на правом боку и не могла понять, где же земля – где верх, а где низ. Куда смотреть и откуда вылезать. Потом резко потянуло ногу, и во рту стало горячо и липко, и сильно запахло кровью. И почему-то больше я ничего не помню. Врач позже сказал, что из-за болевого шока я потеряла сознание, но я-то никакой сильной боли не помню – только металлический вкус во рту и странную, перевернутую картинку перед собой. И еще морду какой-то рыжей собаки, которая, прижавшись носом, смотрела на меня сквозь треснувшее мелкими брызгами стекло...

Дома меня ждал засохший цветок, моя любимая строманта, «молельщица», с красными полосатыми листьями, поднимающая и опускающая свои тонкие стебли каждое утро и вечер. Она выпила всю воду из поддона, стояла-стояла с поднятыми вверх листьями, словно моля меня хоть о капельке воды, и не выдержала. Я аккуратно обре́зала все засохшие листья, кроме одного, в котором, мне показалось, еще теплилась жизнь. И загадала – если выживет строманта, то и я поправлюсь окончательно. Буду играть в теннис, висеть вниз головой на тренажере, который недавно купила, и ходить в пешие походы по карельским каменным разломам, фотографируя древние наскальные рисунки прямо у себя под ногами, – по крайней мере, так до аварии я планировала провести будущий отпуск.

Я включила побольше света и телевизор, чтобы ощутить себя дома. Дома – в новом доме, к которому я еще не привыкла. Переехав, прожила две недели и попала в больницу почти на два месяца.

Диктор, молодая хорошенькая журналистка, рассказывала о том, что на Дальнем Востоке в каком-то поселке нет света вот уже восемь дней. А я смотрела на нее и понимала, что журналистка еле сдерживает слезы. Сегодня утром ей сказали, что у нее никогда не будет детей.

Я понимала ее, мне когда-то тоже такое сказали, правда, с оговорками, что дети могут быть не только рожденные тобой. Ведь столько брошенных или осиротевших детей, которым нужна забота и любовь. Но я так и не пришла ни за одним из них в приют. Даже не пыталась. И этой журналистке тоже кажется, что страшнее горя, что она не сможет никогда сама родить, – нет. Почему вот только я это знаю? Не рано ли я вышла из больницы? Не нужно ли мне было сказать о своих странных ощущениях после аварии лечащему врачу и попросить консультацию хотя бы психолога, если не психиатра?

Я решила для спокойствия проверить как-то свои ощущения, а пока не паниковать. В конце концов, у меня была какая-то двоюродная прабабка или даже родная, которая видела и слышала то, что другим не было слышно и видно. Ворожила, лечила... Может, у меня проклянулись ее гены? Только я никак использовать это не собираюсь. Оно и рассосется наверняка, если не обращать на это внимание.

Просмотрев подряд новости по всем каналам и кое-что еще поняв про журналистов и ведущих программ, с некоторыми из которых я была и так знакома, но не знала подробностей их жизни, я позвонила своей маме.

По первому звуку ее голоса я уже знала, что результаты маминых последних анализов хорошие, что ее сын Валерик, мой сводный брат, вчера приводил очень милую девушку, показывал ее маме, чтобы та, наконец, одобрила его избранницу, что маме хочется именно об этом со мной поговорить, а вовсе не о моей сломанной и сросшейся ноге.

– Она действительно будет его слушаться или только пока такая покладистая? – с ходу спросила я маму.

– Вот и я думаю, может, просто притворяется пока... – подхватила мама и тут же осеклась. – Кто? Ты откуда знаешь? Тебе звонил Валерик?

– Нет, мам... То есть... Ну да, почти. Неважно. Ты лучше скажи, тебе, наконец, можно чай пить с сахаром и конфетками, правда? Анализы хорошие, я очень рада. И фрукты сладкие можно есть. Я к тебе приеду сегодня, хорошо?

– Хорошо... – растерянно ответила мама. – Нет. Не сегодня. Сегодня я в парикмахерскую иду! Давай завтра.

Собственно, я уже выяснила то, что хотела. С мамой я предпочитаю общаться по телефону, чтобы в случае необходимости свернуть разговор и не поссориться по пустякам.

Я выяснила, что со мной после аварии что-то не в порядке. Я не привыкла сидеть сложа руки и ждать, пока проблема рассосется сама собой. А если я в который раз думаю о психиатре, это ведь проблема? Я полистала телефонную книжку и набрала номер.

– Можно мне срочно на консультацию к доктору? Я не записана, но он меня примет, я уверена. И даже будет очень рад.

– В одиннадцать тридцать вас устроит? – чуть помедлив, спросила секретарь.

– Вполне, – ответила я, допивая на ходу кофе и одновременно доставая из шкафа чистую блузку. – Уже еду.

Доктор Семирява, дорогой и респектабельный психиатр, был действительно мне знаком. Не знаю, сразу ли он узнает меня. Но я-то отлично помнила Костю Семиряву, потому что знала его с детства.

Черненький, симпатичный Костя влюбился в меня, когда я училась в первом классе, а он – в третьем. Костя был из хорошей семьи врачей, и родители отпускали меня к ним смотреть фильм «Семнадцать мгновений весны». У нас еще не было телевизора. И все двенадцать серий я с замиранием сердца провела в скромной квартире Семиряв, перед коричневым полированным телевизором, казавшимся мне просто огромным. Собственно, квартиру Кости я почти не помню, его самого, наверняка сидевшего рядом, тоже. А вот свое волнение от замечательного фильма и величественный, большой телевизор – помню прекрасно.

Костя мне нравился, но не сильно. И как-то быстро надоел. Мне стало скучно и даже неприятно от его влюбленного взгляда. И я перестала к ним ходить, тем более что у нас вскоре появился свой телевизор. Видя Костю во дворе, я делала вид, что увлеченно смотрю в другую сторону.

Зачем было идти сейчас именно к нему? Не знаю. Я не раз слышала от знакомых, что он хороший врач, даже как-то записала его телефон для брата Валерика, когда он тосковал полгода без видимых причин. И сейчас мне идти к врачу, с мамой которого я время от вре-

мении встречаюсь в булочной и здороваюсь, спрашивая о новостях в Костиной жизни, было спокойнее.

Костя меня, конечно, не узнал. Девочки, взрослея, сильно меняются, особенно те, которые так безнадежно нравились. Вряд ли сегодня во мне он увидит ту жестокую соседку, которая вдруг непонятно почему перестала с ним дружить двадцать шесть лет назад.

– Я – Лика. Помнишь, Костя? Мы жили в соседних подъездах. Я специально пришла к тебе. Потому что знаю, что ты хороший врач и отнесёшься ко мне внимательнее, чем кто-либо другой. Я права?

Костя удивленно и довольно прохладно посмотрел на меня. Не думаю, что он вспомнил меня и сейчас, но, собственно, какая разница? Мне все равно было спокойнее разговаривать с ним, чем с незнакомым врачом. Я села напротив него и в окрепшем, возмужавшем, на вид сегодня явно хорошо выпавшемся и с аппетитом позавтракавшем человеке увидела маленького мальчика, смущенно взглядывавшего на меня каждый раз, когда мы встречались во дворе.

– Я слушаю... вас, – сказал Костя. И отодвинулся от стола, на котором был включен ноутбук. – Готов выслушать и помочь.

Я посмотрела, как он откатился на большом кресле от стола, и уже все знала. Костя даже не мог предположить, как много я узнала, пробыв рядом с ним полминуты или даже меньше. Выспался-то и позавтракал он действительно неплохо. Но сегодня утром жена тяжело всхрипнула в тот самый момент, когда он потянулся к ее теплому, полному, так хорошо знакомому рукам бедру. И этот ее всхрип был совсем некстати. Минуту-две он лежал, пытаясь понять, стоит ли продолжать, и, поняв, что не стоит, резко встал.

«Костик?» – спросила жена за его спиной. Он ей не ответил, хотя она вовсе не была ни в чем виновата. И не ответил позже, за завтраком, когда она пыталась о чем-то с ним разговаривать. Ерунда, всё полная ерунда, такое бывало и раньше. Но сегодня почему-то ему было противно на нее смотреть.

Раздражал след от крохотных трусов, сильно впивавшихся в ее когда-то худенькие и трогательные, почти мальчишеские бедра, за годы ставшие квадратными, след, так сильно видневшийся под обтягивающими брюками цвета хаки... Странный цвет для женских брюк... Цвет, придуманный для маскировки солдат в грязной, пыльной траве... Зачем обтягивать такой тканью полные женские ноги, похожие на две тяжелые, мощные колонны?

Раздражали небрежные прядки плохо покрашенных светлых волос... Неужели нельзя причесаться, перед тем как идти на кухню, готовить завтрак? Заколоть, что ли, как-то, убрать эти волосы... Или чаще мыть их, каждый день, например...

Раздражал запах пряных духов, непрозрачный, стойкий... Духи он сам подарил Рите на день рождения, сам выбирал... Но в магазине они почему-то пахли просто ландышем, светлым, свежим и очень милым ландышем...

Может, так пахла молоденькая продавщица, стоявшая рядом и помогавшая ему выбирать духи? Пахла молодостью и желанием нравиться? Простым желанием обнять его, совсем незнакомому мужчине, и отдаться ему просто так, даже не знакомясь, ничего не спрашивая, не требуя, не ожидая продолжения?

Я услышала или увидела, или не ясно как, но поняла все Костины мысли и ощущения. И на всякий случай сказала, просто чтобы убедиться, что я не сошла с ума (или убедиться в обратном, не знаю):

– Духи надо на улице нюхать. На бумажку набрызгать и выйти. А то может оказаться совсем другой запах. Я тоже очень сложно к запахам отношусь. Иногда беру интервью у кого-нибудь и с ума схожу, начинаю задавать ужасные вопросы...

Костя молча смотрел на меня, ничего не говоря и не двигаясь. Он перестал крутиться на кресле и постукивать пальцами. Я понимала, что должна ему как-то помочь. Себе мне придется помогать самой, это уже очевидно.

– Я поэтому пришла, понимаешь? Что я все про всех теперь знаю.

– Ты ведь Лика, да? – наконец выговорил Костя. – Лика Борга? Или... Ты не меняла фамилию?

– Нет! Я даже замужем толком не была. Все выбирала-выбирала, да так и не выбрала. Костя... Я с ума не сошла, не знаешь?

Костя не очень уверенно качал головой, как-то странно на меня смотря. Но никогда бы раньше я не поняла смысл этого взгляда! А вот теперь понимаю. Костя увидел, как под тонкой трикотажной кофточкой округло и аппетитно расположилась моя не самая выдающаяся, но и не такая уж скромная грудь. В тесноватом лифчике, на бегу как-то схваченном в магазине, она приобретает недостающую до третьего размера тяжесть и объем. А когда я сейчас подняла руки, чтобы подтянуть сзади резинку на хвосте, Костя представил, что неплохо было бы, если бы он подошел сейчас ко мне, ничего не говоря и не объясняя, и я не стала бы ничего спрашивать, просто подалась бы навстречу...

– Да, наверное, было бы неплохо. Но я ведь не затем пришла, – ответила я.

Костя как-то странно повернул набок голову, открыл рот, чтобы что-то сказать, даже издал какой-то звук, но поперхнулся и стал кашлять.

– Вот и я говорю. Непонятно, как жить дальше, правда, Костик? Думала, ты мне как-то поможешь.

Я встала и решительно направилась к двери.

Костя, опомнившись, догнал меня уже у самой двери своего кабинета.

– Подожди, Лика! Что-то не так... Я... Ты прости меня... Я не сразу тебя узнал и... Расскажи спокойно о своих проблемах.

– Расскажу, конечно, – кивнула я. – Не сегодня. Я долго была в больнице, надо съездить на работу. Я еще приду.

«Досмотрю интересный фильм, – вдруг пронеслась в голове развеселившая меня мысль. – Про Риту, про продавщицу, про себя саму...»

Да, это было похоже на фильм. Только очень быстро идущий. За одну секунду я успевала увидеть и понять то, что на экране пришлось бы показывать минут пять. Как волновался Костя и как сердился, как желанны или отвратительны бывают одни и те же женщины...

Глава 3

Я решила все же заехать вечером к своей маме. После парикмахера она обычно пребывает в благодушном состоянии, красивая, помолодевшая. Меньше будет ревновать меня к отчиму, которого я всю жизнь считаю старичком. Даже когда ему было меньше, чем мне теперь, он казался мне дряхленьким и стареньким. А мама все ревнует и бдительно никогда не оставляет с ним наедине.

На работе меня первым делом остановил заведующий нашей редакцией.

– Борга! Ты выздоровела или просто так зашла?

– Выздоровела, Вячеслав Иванович! – ответила я, тут же с ужасом поняв, что Вячеслав Иванович рассчитывал, что я долго проболую, и взял на мое место свою племянницу. Взял временно, очень надеясь, что она задержится надолго. Может быть, даже займет мое место. И будет на моем месте спокойна и аккуратна. А я стану нервировать какого-нибудь другого шефа. – Прямо сейчас приступаю к работе. Уже созвонилась с Веденеевым, помните, мы говорили о нем? Сегодня еду брать у него интервью, он горит желанием рассказать о своих успехах в спорте и в политике...

– Да, но... Может, тебе еще полечиться? Поможем организовать хороший санаторий...

– Пойду на столе порядок наведу, – миролюбиво кивнула я. – Сгоню для начала вашу Верочку!

Вячеслав Иванович только крикнул, решив, что мне рассказали про Верочку сослуживцы. Перечить мне он не стал, зная, как любит меня хозяин всего нашего медиа-холдинга, а по-русски – нескольких газет, журналов и книжного издательства, объединенных под одним названием «Нооригмы» – странным и не очень благозвучным, но привлекающим внимание своей необычностью и отличающимся на слух от других журнальных изданий. Хотя означает всего лишь навсего – «Новая оригинальная мысль».

Я постепенно привыкала к своему новому состоянию, или ощущению, или новой способности, появившейся у меня после аварии. Я даже попробовала понять, от чего зависит, понимаю ли я вдруг, что происходит в душе у человека, или не понимаю. Сама я не прилагала к этому никаких усилий.

Но, войдя в большую комнату, где стоял мой рабочий стол и, кроме меня, всегда сидело не меньше пятнадцати человек, я отчетливо поняла, что у моего соседа напротив, вяловатого Виталика, болит зуб, и весь мир в этой связи кажется неприятным и враждебным.

И что у соседки сбоку, журналистки с большим стажем, увлекшейся в последнее время теософией и религиозной подоплекой всего сущего, потерялась собака, и Лариса Ивановна вчера безуспешно искала ее целый вечер и потом печатала объявления и ночью расклеивала по району. А теперь судорожно хватает трубку телефона, в надежде что кто-то позвонит и хотя бы продаст ей ее собственную собаку, любимую и драгоценную Лялюшеньку, пушистую палевую пуделиху, которую Лариса воспитывает с тех пор, как уехал в Финляндию за жилистой и пьющей как мужик финкой единственный сын Васенька...

Я, кажется, поняла. Стоит мне повернуться к человеку, посмотреть на него, желательно в глаза, и я начинала ощущать мир вместе с ним. Хотя... Я даже вздрогнула, как будто меня толкнули в спину, и обернулась. Вот тебе и «в глаза»! Сзади меня сидела очень несчастная Верочка, племянница нашего шефа, и старательно копалась в ящике моего собственного стола, чтобы скрыть слезы.

Плакала она вовсе не оттого, что я пришла сгонять ее со своего законного журналистского места и со своего стола. Плакала она от несправедливых и ужасных слов, которые сказал ей только что по телефону ее друг, которого Верочкины родители упорно называют «жени-

хом», чтобы не очень переживать, что их девятнадцатилетняя дочка живет с женатым мужчиной, снимающим ей квартиру. А друг ни много ни мало предложил ей попробовать что-то придумать к сегодняшнему вечеру, приготовить хороший сексуальный сюрприз, потому что обычного, рутинного секса у него и дома хватает в избытке.

Какой «секс»! При чем тут секс! Это у девчонок, у подружек, которые после трех коктейлей в клубе могут для удовольствия переспать с тем, с кем сегодня танцевали, – у них секс! А у Верочки никакой не секс, а любовь! Настоящая любовь! Это большая разница! И она сколько раз уже просила *его* просто вместе провести вечер, поужинать дома, поговорить, подержаться за руки! Разве не имеет она права просто посидеть рядом с ним, положив ему голову на такое родное плечо, послушать, какие у него проблемы на работе, как не слушаются подрастающие дети... Какой сюрприз она может ему приготовить, кроме своей любви? Например, пригласить подружку, сказал он. Например!.. «Можно и еще что-то... Посмотри фильмы какие-нибудь, что ты в самом деле!..» Как он мог! Как? Разве грязные, похотливые дядьки и их подружки с истыканной блестящими колечками плотью в мерзких порнороликах имеют какое-то отношение к ней и к *нему*?

– Ты очень хорошая и милая девочка, – тихо сказала я Верочке, подойдя к ней и наклонившись, так же, как и она, к выдвинутому ящику. – И тебе этот трухлявый пенёк со своими потными фантазиями совсем не нужен. Ты просто хочешь кого-то любить. Поверь мне. Возвращайся домой, пореви недели две. И забудь его, – я положила руку на ее плечо, не давая ей ответить. – Хочешь, поедem вместе со мной на интервью? Я еду к Веденееву. Очень симпатичный персонаж. Я, по крайней мере, на это рассчитываю.

Не слушая, что отвечает Верочка, я выключила свой компьютер, на котором Верочка успела поменять заставку, и решительно взяла ее за плечо.

– Пойдем-пойдем. Нечего сидеть и реветь, да еще за моим столом. За моим столом не плачут. За моим столом положено писать жизнеутверждающие репортажи, можно смешные и даже хамские, но только не сопливые. Поняла? Умывайся и выходи, жди меня у машины. Я зайду в бухгалтерию и спущусь.

Я подтолкнула Верочку, ничего не понявшую, но плетущуюся за мной к выходу. И как только дядя ее, Вячеслав Иванович, хотел, чтобы она работала вместо меня? Не говоря уже о том, что она не только не закончила, но даже и не поступила на журфак и вообще никуда не поступила...

– Борга! Лика! – окликнула меня приятельница Таня. – Тебе дозвонились с радио?

– Пока нет, а что?

– Я им мобильный твой дала. Да хотят, похоже, чтобы ты там передачу какую-то готовила... Или вела... Я не поняла. Можешь сама позвонить, они оставили телефон.

Я только махнула рукой. Нужно – дозвонятся, это же понятно, из-под земли достанут – с радио-то! Особенно если хотят, чтобы я вела передачу.

Это было бы неплохо. Я давно думала об этом, даже как-то сочинила концепцию авторской передачи, но так ее пока никуда и не пристроила. А тут – сами приглашают. Вряд ли меня, с моими статьями, пригласят вести очень уж глупую передачу, «болтоманию», которых сейчас так много у нас на радио. Плохо выспавшиеся журналисты болтают между собой, особенно не заботясь о мыслях, о словах, а люди, стоящие в пробках, слушают их болтовню. Чтобы не думать, наверно. О том, почему который день поджимает губы жена и не хочет отвечать на вопросы, о том, почему от дочери так подозрительно пахнет табаком и еще чем-то, очень знакомым и неприятным, почему... почему... Да невозможно обо всем этом думать! Лучше слушать чужую болтовню, иногда остроумную, чаще скабрёзную или неловкую...

Я ошиблась. Именно на такую болтоманию меня и пригласили. Да еще в пару с Геной Лапиком, стареющим, но молодцевато следующим всем колебаниям социальной моды, говорливым и беспринципным журналистом. С Геной я пару раз сталкивалась лоб в лоб на фурше-

тах и больших журналистских сборищах и сейчас была уверена, что вместе говорить с ним в эфире просто не смогу.

– Боюсь, я с первого раза скажу Гене, что он пустой болтун, недалекий и очень наглый, – ответила я звонившему мне директору передачи, одновременно трогая машину с места и показывая Верочке, чтобы она пристегнулась.

– Так вот и отлично! Мы за этим вас и зовем! За откровенной правдой, которую будет говорить умная женщина! – очень обрадовался директор.

Эту форму передач я тоже знаю: два журналиста собачатся в эфире ни о чем, старательно и ровно по времени – до очередной рекламы или музыкальной заставки, а остальные слушают этот мусор.

– Лика, не отказывайся, приезжай, поговорим.

Директор очень просто перешел со мной на «ты», обычное дело в нашей среде – очень добавляет к ощущению себя плохими мальчиками и девочками, которым разрешили говорить и писать всё, что на ум взбредет. У кого он есть, ум. А у кого нет?

– Хорошо, я заеду, – я взглянула на Верочку, снова приунывшую и доставшую очередную бумажную салфетку из сумки.

И тут же, очевидно вместе с ней, отчетливо увидела гладкую, почти безволосую грудь ее друга, такую приятную, теплую, на ней так хорошо засыпать, так надежно...

– Надежно? – вслух спросила я Верочку, вздрогнувшую и даже икнувшую от моего вопроса. – А что ж тут надежного?

– Не понял, – ответил мне директор передачи. – Я не говорил «надежно». Я говорил – приезжай. Хотя у нас платят четко, не сомневайся. У нас же газовики в тылу, ты в курсе. Все в шоколаде ходим.

– Я возьму с собой одно юное создание, оно может тоже что-то сказать в эфире, про женатых мужчин, например, какие они... гм...

– Если ты про меня, то я не женат, опять, – весело ответил мне директор. – Юное создание привози, испортим в момент.

Я коротким гудком прокомментировала лихой и очень глупый поворот с правого ряда налево курившей блондинки в красной машине и похлопала по коленке ревущую Верочку.

– Оставь в покое дверь, она все равно не откроется, выйдешь, когда я скажу. Раз твой дядя посадил тебя на мое место, будешь теперь везде со мной ходить, поняла? Всё лучше, чем бредить о своем... как его зовут? – Я вдруг поняла, что никак не могу понять имя Верочкиного любимого. Что-то вертится в голове, а что, я не уловлю. Ёжик какой-то. Что за имя? То ли Ёша, то ли Еся...

– Елик, – проговорила Верочка.

Не могу сказать, чтобы она была счастлива говорить со мной о нем.

– Елистрат, что ли?

– Елизар...

Елизар! Я знала одного Елизара, встречалась с ним как-то на вечернем сборище. Действительно, гладкий, сладкий, преуспевающий. Не им ли бредит Верочка?

В этот момент Верочка так отчетливо, так зримо услышала голос своего Елика, что мне даже показалось, что она говорит с ним по громкой связи. Вернее, говорит один он. И такие пошлости... Но громкая связь работала не в телефоне, а у меня в голове. Я невольно слушала чужие фривольные мысли и уже знала, что Верочке они доставляют большое удовольствие.

Я только вздохнула. Ну, пусть тогда плачет и ждет – раз есть в ее жизни такое удовольствие, такая, по-русски говоря, скоромная радость, о которой стоит плакать.

Глава 4

Слава Веденеев ждал нас, точнее меня, при полном параде. Я даже подумала, что он ждет кого-то другого. Но пока раздевалась в большой, ярко освещенной прихожей, успела все понять. Услышать, как важно ему предстать перед всеми неунывающим, нестареющим, вечным чемпионом, многообещающим политиком...

Наверное, трудно быть олимпийским чемпионом. Легче мечтать об этом. Ведь как только ты стал чемпионом, ты автоматически стал бывшим. Тем более, если ты больше не в спорте. На тебя уже не надеются, не делают ставку, в тебя не вкладывают силы и деньги. Ты – лишь воспоминание и некий образ. О тебе могут написать – о тебе вчерашнем. Но разве мы сами себе интересны вчерашние? Какая разница, что я чувствовала и желала вчера? Сегодня я и мечтаю о другом, и ощущаю себя совсем по-другому.

– Слава, это Верочка, познакомься. Хорошая девочка, ее дядя хочет, чтобы она стала журналисткой, и дал мне ее в ученицы.

Верочка с любопытством школьницы взглянула на Славу. Вот бы в кого ей влюбиться! Хоть есть за что. Подтянутый, волевой... Правда, тоже женатый.

Слава провел меня в кабинет, не обращая особого внимания на мою юную коллегу. Я кивнула Верочке, рассматривающей кубки, гордо выставленные в подсвеченной изнутри нише, чтобы она не отставала и шла за мной.

– Как ты себя ощущаешь в Думе? – задала я ему вовсе не тот вопрос, который собиралась задать.

Странно. Что же мне записывать? Точнее, стоит ли запоминать мгновенный ответ Славы: «Хреново», или честно дома вставить в интервью то, что Слава ответил вслух и автоматически записал за ним диктофон:

– Ты знаешь, Лика, я и не думал, что будет так интересно заниматься реальными проблемами людей, законотворчеством. Это сложно, но крайне увлекательно...

Я кивнула:

– Хорошо. А почему хреново-то?

– То есть как... Я не сказал «хреново», – удивился Слава.

– Не сказал. Извини. Это я так. Обычно все говорят, но просят это не писать. Говорят, что очень хреново. Бессмысленно. Чувствуешь себя обманщиком или идиотом. И только самые глупые чувствуют себя большими начальниками в кабинетах, обитых редкими породами дерева, и радуются.

– У меня еще госпаяк хороший, – негромко заметил Слава.

– И я про то же. И в период заседаний устрицы на обед по сорок рублей за тарелку. А все остальные граждане, точнее очень многие, не знают, как дожить до зарплаты. С овсянки на пшенку перебиваются. Ладно. Скажи мне, что ты думаешь о перспективах российского футбола?

– Так я же не футболист, Лика! – удивился Слава. – Я – фигурист. Ты забыла? Ты что!

– Слава, я твой тройной прыжок на чемпионате мира, когда ты упал и потом еще раз прыгнул, не забуду никогда. Я тебя очень уважаю по-человечески за это. Но я просто спрашиваю, как ты думаешь, почему теперь наши футболисты проигрывают? А если выигрывают, то с большим скрипом и на ша'ру. Если кто-то из сильных соперников случайно проиграл другим. Это скорее философский вопрос. Из области идей, если хочешь.

– Те, кто играют сейчас, – из потерянного поколения, у которого не было идеи Отечества, я так думаю, – пожал плечами Слава. – Каждый играет за себя, чтобы его заметили и взяли в хороший спортивный клуб – в любой, где платят много денег. А побеждает в результате идея – всегда и везде. Согласна?

Я отчетливо поняла, что он очень хочет, чтобы я спросила его про отношение к богатству и про воспитание сыновей. И, конечно, спросила. Я искренне думаю, что олимпийский чемпион вправе говорить на те темы, которые ему интересны. Уж хотя бы это право он точно заслужил своим многолетним трудом.

Когда Слава рассказал мне все, что хотел, а именно, что роскошь и богатство исторически гораздо более свойственны нашей стране, чем коммуна и всеобщая бедность, а сыновья должны научиться жить сами, без поддержки знаменитого папы, я задала свой любимый вопрос, который часто задаю успешным людям:

– Если бы у тебя была возможность прожить жизнь еще раз, ты бы как ее прожил? Снова стал спортсменом?

– Да, – ответил, не задумываясь, Слава и улыбнулся своей знаменитой улыбкой чемпиона.

«Нет, – услышала я его ответ и даже внимательно посмотрела в глаза, чтобы удостовериться, что мой внутренний слух меня не обманывает. – Нет, разумеется, нет! Порванные мышцы, переломанные колени, травма спины, годы тяжелых тренировок, отказ от нормальной жизни, операции, восстановительное лечение, гормоны, диеты, жесткий режим, не оставляющий выбора...».

– Да, – повторил вслух Слава. – Самое лучшее, что было у меня в жизни, – это победа на Олимпиаде. Я к этому шел всю жизнь.

– Но жизнь продолжается... – не удержалась я и в первый раз взглянула на молчащую позади Верочку. Интересно ли ей? Но она, похоже, ушла в свои мысли и не слушала нас. Вот так начинающая журналистка!

– Продолжается! – подтвердил Слава в образе инициативного заседателя Госдумы. – И мы постараемся...

Для чего ему нужна была моя статья? Для чего-то ведь он хотел, чтобы именно я написала. Сам заказал...

Я выключила свой крохотный диктофон, отодвинула его для верности и спросила:

– Все-таки кем бы ты стал, Слав, если бы можно было прожить жизнь еще раз?

– А ты? – вдруг спросил меня Слава.

– Я – многодетной мамой. Ну, хотя бы мамой троих детей, или двоих...

– А я – художником, – вздохнул Слава. – Пойдем, я покажу тебе картины, но это не для статьи. И даже помощницу твою не пущу. Фотоаппарат оставь здесь.

Я оставила и фотоаппарат, и мобильный, чтобы Слава не сомневался. Махнула рукой Верочке, чтобы та побыла пока в комнате, а сама пошла вслед за Славой.

Я часто хожу на выставки, и на концептуальные, и на всякие разные биеннале, где от искусства подчас остается только стандартный стенд и унифицированные таблички, а остальное – бред больного разума, тщеславия и уродливых социальных инстинктов. Года два назад вместе с другими посетителями Дома художников на Крымском Валу я видела даже серию экскрементов, каждый в своей коробочке, в отдельной ячейке. Это тоже образ, символ, и у художника не хватило других выразительных средств, чтобы рассказать миру о своей душе и ее переживаниях.

Поэтому на творения Славы я взглянула спокойно, готовая ко всему. Если бы меня предупредили заранее, что Слава – тайный живописец, и на спор спросили бы, что он пишет, я бы проспорила. Потому что такого я предположить не могла. Все что угодно – плохие портреты, среднерусские пейзажи, авангардистские зарисовки без начала и конца, верха и низа...

Но Слава рисовал просто жуков. Зеленых, коричневых, золотых. Олимпийский чемпион рисовал больших красивых жуков подробно, со знанием дела. Жук, увеличенный на картине до размера средней собаки, выглядел устрашающе, но очень выразительно. Тем более что Слава старательно и аккуратно выписывал все детали – сложные изгибы ножек, переливы хрупкого панциря. Особенно удавались ему глаза. Огромные, разноцветные – то темно-фиолетовые, то

зеленовато-желтые, то антрацитово-черные – они сейчас смотрели на меня из какого-то другого мира, где, оказывается, живет временами депутат Госдумы и олимпийский чемпион Слава Веденеев. В мире огромных жуков.

– Красиво. Твой ночной кошмар? – задала я, думаю, не самый умный вопрос в своей жизни.

– Нет, – спокойно ответил Слава. – Мне просто нравятся жуки. Всегда нравились. Кажутся совершенными. И... и еще они у меня получаются. А другое – не очень получается. Я рыб пробовал рисовать. Но как-то не то... Я рыбу изнутри не чувствую. Когда рисую, мне неприятно становится. А когда жука – комфортно.

Да, Слава знал, кому показать. Большой комплимент мне как журналистке. Как бы можно было Славу выставить сейчас клиническим идиотом после такого откровения! Даже без фотографий. Мне бы поверили!

Но кому, как не мне, знать, что у каждого – своя пещера, в которой ему тепло и не страшно жить и куда не надо пускать равнодушную и любопытную толпу. А у кого нет такой пещеры, тому надо много пить, очень много, до чёртиков, чтобы размыть очертания реального пространства и времени, или очень много воровать, так много, чтобы постоянно захватывало дух, как от головокружительной высоты, чтобы каждый следующий шаг мог оказаться последним...

– Можно я сфотографирую одного жука? Просто на телефон, – попросила я, почти уверенная, что Слава из предусмотрительности откажется.

Черт нас знает, журналюг... Сегодня я честная, и это моя слава в нашем мире. А завтра – окажусь на центральном канале телевидения с громкими разоблачениями, расскажу все, что знаю обо всех, – и страшное, и смешное, и позорное...

– Какого? – спросил Слава.

– Вот этого, большого, зеленого. С темными глазами...

Слава чуть помедлил, посмотрел на меня, на картину... И неожиданно снял ее со стены.

– Возьми. Это хороший жук. Я когда его рисовал, у меня после травмы никак колено не сгибалось, я его не чувствовал вообще, и мне казалось, что жук мне помогает. С каждым мазком как будто жизнь в суставе пробуждалась. Бери-бери. Только...

– Не беспокойся, Слав. Я про него писать не буду, и фотографию в журнале не помещу, если ты не хочешь.

– Не хочу, – покачал головой Слава. – Напиши лучше, что я думаю ввести закон, по которому в каждом микрорайоне будет бесплатный тренажерный зал. Вот как тротуары пока бесплатные, так и спортивный зал чтобы был. И дополнительная ставка учителя физкультуры в каждой школе. Для факультативных занятий.

– Хорошо, – засмеялась я, прижимая к себе довольно тяжелую картину в добротной, со вкусом подобранной темно-золотой раме и физически ощущая, как доволен Слава.

Глава 5

– Мы тебя о-очень ждали! – встретил меня на радио с распростертыми объятиями директор передачи Лёня Маркелов.

Лёня, как многие теле- и радиожурналисты, был человеком абсолютно без возраста, одет, как подросток, в широкие приспущенные джинсы, красную толстовку с капюшоном, на лбу у него красовалась белая полоска с эмблемой их знаменитой радиоволны.

– Давай перекурим и сразу попробуем... Ты как? Морально готова прямо сегодня приступить?

– Морально не готова. Но почему бы и нет? Только я бы выпила кофе и девочку напоила, я с помощницей.

– Ли-ика... – Лёня с преувеличенным восторгом осмотрел меня с ног до головы. – Да ты же сама такая юная журналистка! Какие тебе помощницы! Они тебя дискредитируют. И голос у тебя, кстати, очень молодой.

– Моложе, чем физиономия?

– У нас на передаче можешь сказать «рожа», не стесняйся.

– Это пусть Генка говорит. Я же с ним буду вместе чушь нести, да? – вздохнула я. – Сколько хотя бы заплатите? И давай тему обговорим, я просто так болтать не буду.

– Даже за большие бабки? – ухмыльнулся Лёня.

А я почувствовала, что он нервничает. Отчего, не поняла, не разобрала... А! Ясно. Боится, что я очень много денег попрошу. А я даже и не готова, не поинтересовалась, сколько сейчас за это платят. Помню, сколько было года три назад, но за это время так все изменилось, такими темпами пошла капитализация, особенно моей дорогой столицы...

Что такое зарплата полторы-две тысячи долларов теперь в Москве? Ничего. Не прожить безбедно, не поджимаясь то здесь, то там. Два таджика в месяц получают на хорошей строительной фирме столько, или один русский менеджер среднего звена – в большом магазине, в банке – и при этом считает себя бедным поденщиком. И в общем-то он прав – хозяин в среднем в день тратит столько, сколько платит «поденщикам» в месяц.

– А сколько вы хотите мне предложить? – спросила я. Как обычно в разговоре о деньгах чувствуя себя омерзительно.

Ведь в сущности, у меня всё есть. И хоть я и обеспечиваю себя сама, давно и постоянно, торговаться и набивать себе цену я не умею. Может быть, именно оттого, что последний раз я испытывала нужду очень давно, сразу после окончания журфака, когда год или полтора перебывалась случайными заработками и никак не могла отложить хотя бы рубль на черный день. И знала – если завтра мне не заплатят за колонку из пятнадцати строчек, то я не только половинку сливочного полена не смогу купить к чаю, но и сам чай буду заваривать из испитых и высушенных на всякий случай пакетиков.

Я на своей шкуре честно испытала все прелести переходного периода девяностых годов, поскольку была молодым специалистом, которого никуда «не распределили», то есть не нашли за меня работу. Идти было особо некуда – советские газеты и журналы доживали свой век, а новых еще не было. Но это было давно.

Сейчас мне хватает зарплаты и дополнительных заработков, у меня хорошая машина, я купила новую квартиру, продав старую, я сделала приличный ремонт, я регулярно покупаю модную одежду, езжу отдыхать на десять дней два-три раза в год... Так что же особо торговаться? Я просто стараюсь сейчас делать только то, что мне интересно, и делать это хорошо и честно.

– «Сколько-сколько»... – продолжал ухмыляться Лёня.

А я уже слышала, или увидела, или, не знаю как, но поняла сумму, которой он боялся. И я бы такой суммы испугалась. Может очень связать руки... И назвала на треть меньше.

– Ох, ну ты даешь! – притворно испугался Леня, на самом деле облегченно вздохнув. – Где у нас такие бабки? Никто столько не получает! Генка, если услышит, родит в эфире... Он такое без нуля в конце имеет и рад... Да и ладно! – сам остановил себя Леня, видя, что я никак не реагирую на его сетования. – И чёрт с тобой! Ты дорогая журналистка, такого стоишь. Давай – кофейку, и вперед! Тему, говоришь, тебе надо? А вот о зарплатах и поболтайте! Кто больше получает – учитель или милиционер, то бишь полицейский, наш, российский, метр с кепкой милиционер. И почему. Как, по кайфу тебе такое?

Я поморщилась от Лёниных словечек. Но говорить ничего не стала.

– Нет, Лёнь. О чем тут говорить? Я же знаю, что сейчас Генка понесёт языком, как помелом...

– Это вы обо мне, девушка, так нелестно выражаетесь? – Незаметно подошедший Гена приобнял меня сзади.

Я в который раз удивилась чудесам природы. Настолько стареющий Гена не был похож на свой игривый, чуть хрипловатый и очень молодой голос. Слушая его, большинство женщин наверняка представляют тридцатилетнего, стройного, симпатичного, улыбчивого бонвивана, чуть с ленцой, приятного, вальяжного. А Генка был обрюзгшим, плохо побритым и очень несимпатичным на лицо сорокапятилетним дядькой с круглым тяжелым носом, неровным подбородаком, тяжелым мешочком свисающим на одно Генкино плечо, тоже неравное второму, как и всё в Генкином облике.

– Нет, не о тебе. О том, что на тему бедности надо или изящно-философски шутить, или серьезно разбираться с экономистами. Но не болтать просто так. А еще о чем мы должны сегодня говорить?

– Еще... – Лёня сдвинул повязку, почесал голову и заглянул в темное зеркало напротив нас, чтобы водрузить повязку на место. – Об утреннем оргазме, пойдет? Хотя сейчас уже пять часов.

– Тогда о вечернем! – захохотал Генка, и все неровности его крупного тела заколыхались вразнобой.

– Да вы об этом постоянно, что ли, говорите? Я, как ни попаду на вашу передачу, обязательно услышу.

– И что, каковы ваши действия? – Генка снова попытался приобнять меня, обдав крепким запахом наверняка дорогих, но пронзительно-едких мужских духов.

– Выключаю радио! – Я отпихнула его. – Давай о политике хотя бы. Что там вчера приняли? Какой-то закон новый, я слышала. О медицинском обслуживании что-то... Вот давай об этом. Прочитать только надо повнимательнее, что в законе. Это же наверняка всем интересно.

– Ты о медицинском обслуживании, а я о вечернем оргазме, ага? Что в общем-то близко по теме. Вот и сольемся в результате в экстазе... – Генка достал толстую сигаретку и закурил прямо в коридоре. – Ты куришь? Нет? А я на эфире обычно курю...

Я отступила от него и с сомнением посмотрела на Леню Маркелова. И что изменят в моей жизни эти деньги, за которые я буду дышать три или четыре раза в неделю Генкиными вонючими сигаретками и одеколоном, обсуждать с ним вопросы физиологии, – что-то подзрительно веселит его эта тема, как подростка, у которого еще почти ничего ни с кем не было, – и невольно перенимать эту легкую, необязательную манерку говорить обо всем и ни о чем: «А? Что? Да ничего! Проехали!»

– Лёнь, извини! Я, наверно, пойду.

– Что-что-что? – засуетился Леня, взял меня за локоток и отвел в сторону. – Ну, сколько ты хочешь? Давай еще добавим? А? Мало? Какая ж ты жадная, Борга! Вот правду говорят, успех портит самых лучших наших людей. Самых русских и на морду, и на фамилию... Ладно,

давай еще полкосарика накинem... Зелененьких, в воде не тонущих... На что угодно обменяешь их, на любое свое удовольствие... Что, нормально?

– Да не в косариках дело. Я не бедный человек. Детей у меня нет, долгов тоже.

– Нет – так будут, – засмеялся Леня. – Можем помочь, и в том, и в другом. Нет, подруга, ты давай говори свою цену, а мы уж как-нибудь газоvиков наших уломаем. Скажем, вот есть у нас тут такая цаца, надо бы ей подкинуть, за язычок, за смелость, да за начитанность, да за всякое другое... Борга сказала, значит, так и есть... А? Ну что, пойдem, подписываем?

Я покачала головой.

– Давай попробуем провести передачу, а потом подпишем. Боюсь, что мне с Генкой будет... неинтересно говорить. Понимаешь? Я не могу существовать в этом режиме. Хи-хи-ха-ха, пукнул в микрофон – сам засмеялся...

– Уже смешно! А говоришь – не можешь, все ты можешь! Пойдем, моя крылатая, пойдem. Говоришь, как пишешь, всем нам кое-что пообрежешь еще язычком... – причмокивая и охая, Леня подталкивал меня в противоположную от выхода сторону. – И план передачи у нас есть, не беспокойся, все у нас есть. «Болтовня»!.. Три редактора в смену работают, все вам готовенькое на стол выложат, лишь бы прочитали... Серьезные люди, между прочим, не нам чета... И музыка у нас какая теперь, знаешь? Музыкальные блоки крепенькие, сама заслушаешься...

– Подожди, – остановила я Леню, вдруг поймав какой-то обрывок его мысли. – А что, я должна кого-то срочно заменить?

– Да не то чтобы срочно... – Леня кивнул на высокую темноволосую женщину, сидевшую с сигаретой в конце коридора. – Вон, видишь, Тоня наша мается. Не хочет, чтобы тебя взяли вместо нее, но ты ведь все равно каждый день не сможешь работать?

– Не смогу, конечно. И не захочу.

– Вот и ладненько. А Тоня как-нибудь перетопчется, у нее выбора нет. Она журналистка хорошая, ее любят слушатели... Некоторые. А остальным она слегка поднадоела. Надо влить новой кровушки... в нашу зна-аменитую передачу. Так, стоять!

Мы остановились с Леней у высокого звуконепроницаемого стекла, за которым была видна небольшая комната с огромным пультом. Там сидел молодой человек в наушниках и молча смотрел перед собой. Увидев нас через стекло, он помахал нам рукой.

– Музыкальный час, – объяснил Леня. – «Антон на проводе» – знаешь нашу феньку? Это я так остроумно придумал. Хорошее название, правда?

– Его зовут Антон? – кивнула я на молодого человека в наушниках.

– Антоном звали моего дедушку, – вздохнул Леня. – Дожил до восьмидесяти пяти лет старик, больше не смог. Он всегда снимал трубку и серьезно отвечал: «Антон на проводе». Это я в его память.

Я удивленно посмотрела на Леню. Предположить бы даже не смогла в нем такого лиризма. А почему, собственно? Потому что он носит спущенные штаны? Или потому что он – продюсер не самых лучших передач в эфире?

А где они, лучшие передачи? Остались в моем детстве?

Вместе с пломбиром в вафельных стаканчиках со сливочной розочкой сверху, протекавшим на руки через обязательные дырочки на дне сладкими нежными каплями?

Со сказками Андерсена, отпечатанными на плотной шершавой бумаге, с волшебными непонятными картинками и купюрами советского цензора, тщательно выбиравшего все, что грустный сказочник Ганс Христиан думал про Господа Бога и его вмешательство в земные дела?

С бодрой утренней зарядкой на радио, под звуки которой моя бабушка весело гремела кастрюлями, пела, топала по маленькой кухоньке, готовя мне картофельные котлетки, вкуснее которых я никогда ничего не ела на завтрак за всю остальную жизнь?

Вместе с радиоспектаклями, которые искренне и со всей силой своего таланта играли народные артисты, вкладывая в голос все, что не увидят радиослушатели? И бабушка, с вечной иголкой в руке, застывала, услышав какое-то роковое слово в спектакле, а потом плакала или громко смеялась, если всё заканчивалось хорошо. И теряла иголку под ножной швейной машинкой в рыже-коричневом деревянном корпусе. И я залезала за иголкой и, невзирая на строжайший запрет, как будто случайно садилась на широкую ножную педаль и покачивалась, пока бабушка не видит...

Понятно, что все мое самое лучшее осталось в детстве. Просто по определению. В том далеком прекрасном мире, которого больше нет. И который есть – где-то даже не внутри меня, а в основе меня. Я и есть этот мир – я в нем родилась, выросла, я его помню, слышу, вижу. И не хочу разрушать этот мир, сказочный мир, и никому никогда не дам этого сделать.

Но это ведь не значит, что сегодня что-то совсем другое не имеет права на существование.

– Извини, я отвлеклась, Леня. Да, хорошо. Я попробую провести передачу, потом подпишем договор. Только давай нормально подготовим ее, ты мне дашь тему, я посмотрю дома...

– Э-э, нет, милая! – засмеялся Леня. – У нас принято, с профессионалами по крайней мере, вот такую первую брачную ночь проводить... Как если бы ты просто гостем пришла на передачу, тебе бы не дали никаких материалов для подготовки...

– Боевое крещение, что ли?

– Это как скажете! Как повернете... – подмигнул мне Леня. – Крещение или что получится... Или соращение... Ужасная рифма, скажи? Боженька, ты как? – Леня посмотрел на низкий потолок, обитый серыми звуконепроницаемыми пластинами с маленькими дырочками. – Не слышишь меня сегодня, нет? Вот и не слышь. Собственно, как обычно... Ори не ори, а небесам до нас...

От передачи у меня осталось приятное чувство. Я настояла, чтобы в студию посадили еще и Верочку, у которой было просто шоковое состояние от такой неожиданности. Генка глупостей почти не говорил, или я быстро привыкла к его необязательной манерке – вроде сказал, а вроде и нет, уже проехали, лопочем о другом...

Я не уверена, если бы я послушала себя, задержалось ли бы во мне это приятное чувство. Поэтому я не стала брать домой запись и слушать. Я решила: ведь что говорит Генка – это его дело. У меня же есть блестящая возможность сказать что-то хорошее очень многим людям. И делать мне это легко и приятно.

Я могу представить себе, что говорю, предположим, с милой одинокой женщиной, которая отвезла сейчас дочку в школу и пробирается в пробках до метро, чтобы бросить там где-нибудь в чужом дворе машину и поехать на работу. Может быть, я отвлеку ее своими разговорами от грустных мыслей? И мысли ее потекут в другом направлении? Или вдруг найдется ответ на какой-то мучительный вопрос? Или просто вопрос перестанет мучить, останется неизбежной и не такой уж пугающей данностью.

Леня предупредил меня, что наши передачи будут в милой в утреннем и вечернем эфире, и я этому порадовалась. У многих людей мой голос будет первым, что они услышат в машине или на работе, или дома. Главное, чтобы мне было, что им сказать.

Пока мы сидели на передаче, Генка поглядывал на Верочку, и я видела, что он хочет о чем-то ее спросить и, видно, никак не может придумать что-нибудь поострее.

И поэтому я сказала сама:

– У нас в студии гость, начинающая журналистка, Вера. Верочка, не хочешь ли ты, детка, передать кому-нибудь привет?

Генка заржал прямо в микрофон и показал мне кулак.

– Я... – растерялась от неожиданности Вера и замолчала.

Молчать в прямом эфире было невозможно, поэтому продолжила я:

– Хорошо, я могу от тебя передать привет Елику. Ты не возражаешь?

Вера в полуобморочном состоянии взглянула на меня круглыми глазами и изо всей силы замотала головой, ударившись подбородком о микрофон.

Генка тут же это подхватил.

– Стоять, не падать! – сказал он и крикнул, как будто поднимая тяжесть. – Девушка не выдержала ответственности. Все-таки передавать привет на всю страну своему...

– Питбулю! – быстро сказала я. – Для этого нужна определенная смелость! Питбуль у Верочки гладкий, сильный, очень умный и сноровистый, так, детка? Елик, если ты нас слышишь, гавкни!

Генка, разумеется, гавкнул за Елика и был рад предоставленной ему возможности кунуть новую тему и нового человека. Мы поговорили немного про питбулей, явно представляя себе при этом очень разных собак, и плавно свернули на предпасхальное подорожание яиц. Генка и так и сяк шутил вполне в раблезианском стиле, а я лишь вздыхала и вела свою партию тонкой и интеллигентной собеседницы. Не так уж и плохо, особенно если за это платят деньги. И если кто-то это действительно слушает...

– Кул! Молодец! – похвалил меня Леня, когда мы вышли из аппаратной. – Только словарный запас тебе надо, конечно, менять... Что такое «кул», знаешь? А кто такой «перец»? А «жестяк»? Вот, видишь, а лезешь в эфир... Шучу-шучу! Все классно!

– Лёнь, я не буду говорить на этом птичьем языке! Говорю, как умею. На хорошем русском языке.

– И молодец, птичка моя, и не говори на нашем птичьем языке! Каламбур классный, правда? За то тебе и деньги платим, за роскошную интеллигентность твою, наглую, врожденную и вдобавок хорошо воспитанную. Почему идея такая появилась, как ты думаешь? Тебя пригласить? Мы что, рассчитывали, что ты будешь на клубном жаргоне материть у нас? Или по-олбански залопочешь? Да уж конечно! У нас своих мастеров хватает. Со своими матерками и мастерками. Просто пришло... – Леня сделал страшное лицо и шутливо понизил голос, – рас-по-ря-же-ние... Прикинь, да? Это в свободной-то стране! Жаль, Америка нас сейчас не слышит. Америка, ау! – Леня помахал рукой в завешенное серыми жалюзи окно, сквозь которые виднелась темная пятиэтажка. – Не слышит меня Америка, а жаль! Так вот, попросили попримечнее кого-нибудь, с такими, знаешь, дворянскими замашечками, с культурным обременением, со словарным запасом не менее, а лучше более... Ну, ты в курсе. И с московским прононсом. Чистеньким-чистеньким. Чтобы пятнадцать поколений образованных москвичей вставали за твоей прямой спинкой немой укором, не давая вякнуть чего-нибудь плебейского. Из репертуара заезжего люмпена. Вот так, дожили. На самом свободном радио, ага. Надоели наши вонючие сапоги деревни Лытково Н-ской губернии. Очень модные, кстати, среди обитателей московских подвалов, они же клубы продвинутой молодежи.

– Лёнь! – наконец смогла вставить слово я. – А что бы тебе самому не вести болтологию вашу?

Леня, ничуть не удивившись моей реплике, быстро показал мне одной рукой фигу, другой покрутил пальцем у виска и как ни в чем не бывало продолжил:

– И вот мы Лику Боргу позвали! Радетельницу за чистый русский язык, высокую духовность и вообще моральный облик постсоветского, то есть российского человека. Поняла, в чем дело? Говорят, кто-то из заоблачных высот, царских, так сказать, всея Руси, передачку нашу как-то в машине услышал. И ему в его заоблачной высоте плохо стало. Ему было не смешно. Чуть было не стошнило. А когда на небесах кого-то тошнит, тут нам всем мало не кажется... Короче, велели нас или закрывать срочно, или повышать культурный уровень. Планку поставили. Чтобы ничего круче фирменного премьерского «ни фига» в эфире не звучало. И то. Им можно – у них жизнь тяжелая, ответственность давит. А нам лучше и без этого обходиться.

Я вздохнула:

– Договор давай мне домой, почитаю, завтра скажу, что да как.

– Но ты скажешь ведь «да»? Радетельница наша?

Я засмеялась.

– У мамы спрошу сейчас. Если разрешит.

Твоя мама преподает русскую литературу? – засмеялся Ленья.

Моя мама преподает мараль и нравственность своим домочадцам, и мне изредка перепадает, – объяснила я.

Я поймала себя на том, что за все время эфира – час с лишним – мне ни разу в голову не попала чужая мысль или ощущение... Так увлекла меня работа? Или... А не показалось ли мне все, что происходило со мной в последние дни? И не успела я подумать, хорошо это или плохо, что все прошло, как, не оборачиваясь к Генке, который стоял и курил неподалеку, увидела очень странную картинку, явно относящуюся к нему и ко мне.

Я, в непонятной одежде, как бывает во сне, когда человек одет, но неважно во что, то ли в серый длинный свитер, то ли в коричневое бесформенное пальто, стою за стеклянной дверью, прижавшись к ней лицом. Генка же открывает дверь, сам очень хорошо одетый, рукой в кожаной рыжей перчатке и с золотым (действительно, а как же еще?) «Роллексом» на запястье подает мне смятую сотню и, подумав, подает еще десять рублей. Я пытаюсь поцеловать его руку, а он поощрительно хлопает меня по щеке кожаной перчаткой, я улыбаюсь от счастья, и во рту у меня не оказывается ни одного зуба...

Каков, однако, фантазер наш Генка!

Я обернулась к нему и столкнулась с тяжелым, больным взглядом. Бедный Гена!

– Запиши, – как можно мягче сказала я. – Хороший рассказ получится. В духе О. Генри. В конце надо что-то очень сентиментальное. Например, ты помог мне вставить зубы, для этого пришлось продать «Роллекс». Плакал, но продал. А я тебя за это поцеловала, в небритую щеку, от которой брутально пахнет горьким мускусом. Запиши и бегом в глянцевый журнал, или можешь к нам, помогу напечатать. Сто тысяч экземпляров только в Москве продается за один день после выхода. Ты знаешь – нас читают все.

Мне показалось, что Генка откусил кусочек своей толстой сигаретки. По крайней мере, кашлял он так, что из кабинета напротив высунулся паренек.

– Никого не тошнит? – осведомился он.

– Всех уже стошнило, – успокоила я его. – Пойдем, Верочка. Хватит тут пассивно курить и портиться.

Верочка от всех событий сегодняшнего дня давно уже пребывала в состоянии полубодрости и покорно двинулась за мной, ничего не говоря. «Вот и хорошо», – подумала я, против своей воли видя все одну и ту же картинку:

Елик – тот самый гладкий мужчина с голой грудью, едва прикрытой приятным бархатным халатом, виден мне был со всех сторон сразу, даже с тех, думать о которых мне было совсем неинтересно. И со всех сторон он был исключительно гладок и приятен.

Да, пора отправлять Верочку домой, пока мне действительно не стало плохо от картин ее милых и – верю! – вполне искренних вожделений.

Глава 6

Мама... Вот кто может мне объяснить, что со мной происходит. Мама всегда понимает меня хорошо и, не жалея, говорит правду. Если я сошла с ума, мама это поймет первой и объявит мне приговор. Попробую показаться ей на глаза. Интересно, заметит ли она во мне что-нибудь особенное?

Я отвезла Верочку на ее съемную квартиру, подозревая, что я так напугала девушку, что на работу она больше не пойдет. По крайней мере, за мой стол не сядет. Хотя я была вовсе не против неожиданной ученицы.

Мама встретила меня как обычно. Мельком оглядела и проговорила:

– Ты в больнице похудела, что ли?

Ага, заметила что-то. Но что, сразу не поняла. Я не торопясь разделась, нарочно походила перед мамой туда-сюда, надеясь, что она почувствует что-то своим материнским нутром. Обстоятельно поздоровалась с отчимом, который выглянул из своей комнаты, но выходить не стал, наученный всей жизнью с моей мамой. От малейшей его улыбки, предназначенной мне, мама взвивалась до потолка и покою потом не давала мне и ему. Поэтому последние годы отрочества, когда я еще нуждалась в опеке родителей, я жила с папой.

Папа так и не женился после развода с мамой и все меньше и меньше интересовался женщинами и окружающим миром, собирая загадочные аппараты из сотен колесиков. Папа много лет готовил научное открытие, которое должно было перевернуть мир, но однажды куда-то пропал. Мне почему-то казалось, что он жив и живет где-то, куда ему не могут позвонить знакомые и отвлечь от самых последних, самых важных его открытий... Где нет моей мамы, считавшей его жалким ничтожеством.

Мама цепким взглядом проследила за мной, потом сказала:

– Не маячь, присядь. Ты что-то хотела?

Я села за большой стол на кухне, уставленный по обыкновению лекарствами отчима и розетками с вареньем, медом, коричневым тростниковым сахаром, полезным и малосладким, взяла ложку и пододвинула к себе высокую вазочку со сливовым вареньем.

– Переложил себе в блюдо, не копай там ложкой! – остановила меня мама.

Я вздохнула и отодвинула от себя вазочку.

– Мам. А вот была у нас такая прапрабабушка... Вера, кажется. Баба Вера...

– И что? Ты хочешь о ней написать?

– Нет. Мам... – Я неожиданно встала в тупик. Как рассказать маме, что со мной происходит? Почему-то я не находила слов. – Просто я после аварии... стала как будто видеть и слышать то, что чувствуют другие люди.

Мама напряженно посмотрела на меня и проговорила:

– Я в общем-то ожидала, что однажды ваша схожесть...

– Я похожа на бабушку Веру? Ты не говорила раньше.

– Похожа... Одно лицо!

– Мам, а бабушка тоже была Борга?

– Как она может быть Боргой, если она по женской линии? Нет, Лика, она была... – мама замялась, – Колдушина.

– А, ну господи! Да я же помню, конечно, – от слова «колдунья»!

– Возможно. Но я так не думаю, – сдержанно ответила мама, доставая старый альбом из-под кипы журналов. – Хотела тебе фотографию показать, да ты ее видела наверняка... В платочке, благообразная такая старушонка... Фамилия, говорят, уже после появилась, у деток ее. Я тебе раньше не рассказывала? Ну да, все щадила тебя, все жалела. Дожалелась.

– Так почему такую фамилию придумали? – быстро прервала я маму, не дав ей увлечься темой моего несоответствия ее родительскому идеалу.

– А... – запнулась мама. – Ну да. Думаю, оттого что благодарные односельчане как-то ночью ей кол по самую душу вогнали. Не столько за колдовство – кто в него верил-то? А за украденную у колхоза корову. Время, знаешь, какое было, после революции, дикое и голодное. Соседка клялась и божилась именем Сталина, что видела, как баба Вера коровку вялила на солнце и припрятывала на зиму... Корова потом нашлась в соседнем колхозе, когда бабу Веру уж и поминать забыли. Подслеповатая на один глаз корова, с оборванным хвостом, кому она только нужна была? Тошная, ни молока, ни мяса... Вот, нашла.

Я посмотрела на выцветшую фотографию и не поняла, в чем же мама видела наше сходство с прабабушкой. Кроткое лицо, с небольшими круглыми глазами, доверчиво глядящими на фотографа, светлые волосы, выбивающиеся с одной стороны из-под платка, робкая улыбка... Что тут общего со мной? И все же...

– Я возьму пока фотографию, можно, мам?

Мама пожала плечами:

– Да бери. Жалко, что ли?

Я взглянула на аппетитные райские яблочки в одной из вазочек с вареньем – с темно-красной прозрачной кожурой, пропитанной вкуснейшим желейным сиропом... И остановила себя. Лучше не начинать ничего пробовать – чем меньше мама на меня смотрит, тем меньше у нее останется поводов для раздражения.

– Ладно, я пойду, мам. У вас все хорошо?

– Да!.. – Мама махнула рукой. – Гастрит-простатит-гипертония! А так все отлично.

– Тебе папа не снился недавно? – спросила я, надевая ботинки.

– Мне твой отец не снится уже много лет, – четко ответила мне мама. – Просто не рискует.

Ясно?

– Да уж куда яснее. Я теперь передачу буду вести на радио, мам. Будешь мной гордиться?

Мама довольно равнодушно пожала плечами.

– Буду.

И я физически почувствовала холодок в груди и как будто что-то горькое во рту, как вкус испорченного ореха, что ли... Ох, неужели это именно то, что испытывает ко мне моя мама?

Да, на кол я не хочу. А что мне делать с моим внезапно проснувшимся... как назвать-то его – с моим даром? Может, как-то применять его во благо? Например, лечить. А что я могу вылечить, если я просто *чувствую вместе* с этим человеком? Предсказывать я тоже не могу.

Детективное агентство... Точно. По просьбе ревнивых мужей и жен выяснять, что на самом деле чувствует супруг. «Чтоб ты сдох, сволочь, и как можно быстрее». «Как же воняет твоя старая пижама, в которой ты похожа на свинью с крокодильей мордой...»

Или рассказывать бдительным родителям, о чем мечтает подросток. Да-а... Могу себе представить, чем наполнится тогда моя душа. Нет, детективное агентство мне не потянуть – даже для моей здоровой психики это было бы серьезное испытание. Придется, вероятно, просто жить с этим, убеждая себя, что со мной ничего особого не произошло.

Мысли мои невольно вернулись к Косте Семиряве. Может, мне все-таки походить к нему на сеансы психотерапии?

Выйдя из подъезда, я обнаружила, что у моей машины кто-то порезал шину на переднем колесе. Происходит это уже во второй раз. Именно когда я оставляю машину ненадолго около маминого подъезда. Видимо, кому-то в мамином доме очень не нравится моя красная Мазда, скромная и почти демократичная машина почти эконом-класса – с точки зрения, к примеру, средне-зажиточного немецкого бюргера. Думаю, тут дело не в классовой ненависти, а в конкретной неприязни ко мне.

Не успела я это подумать, как четко увидела кривоватую волосатую руку, быстро наносящую резаную рану моей милой Мазде. Вот это да! А я еще думала, зачем мне мой неожиданный дар! Доказать, правда, я таким образом ничего не докажу, но сама обидчика найду. На волосатой руке, темной от какой-то копоты, я четко видела значок татуировки, похожий на индуистский знак – прерывающийся круг, а в нем две пересеченные параллельные линии. Еще, кажется, это похоже на фирменный знак какой-то автомобильной марки... В общем, ни с чем другим не спутать. Знак явно не тюремный, не воровской. И, кажется, я его видела когда-то...

Я обернулась. Видно никого не было. Но, уже зная особенности своего «видения», я подозревала, что человек находится где-то поблизости. Я же не просто так чувствую и вижу, а лишь то, что чувствует и знает другой кто-то... Я оглядела окна.

На одном балконе, выходящем как раз в сторону подъезда, я увидела курящего мужика, явно нарочно отвернувшегося от меня и смотрящего в другую сторону. В сумерках мне было, конечно, не разглядеть никаких знаков на его руках, но...

Зато я увидела саму себя, в зимней одежде, с лыжами в руках, смеющуюся и очень довольную чем-то... Вот только чем? А! Тем, как плохо сейчас кому-то, как больно в душе, как хотелось этому кому-то быть сильным и нужным, а вовсе не отвергнутым, жалким и смешным, с замерзшим букетом ярко-розовых гвоздик, таких весенних, таких пушистых...

Да! Конечно! Павлик Сысоев! Неужели он не забыл?.. И стал совсем простым мужиком, в спущенных трениках, нечесаным, небритым... Но разве он живет в одном доме с моей мамой? Да, здесь живет и его мать, и он, возможно, развелся и вернулся к ней.

Неудачник... Я помню, мама как-то обмолвилась: «Павлик, бедный – просто неудачник. Все не заладилось в жизни. А началось все с тебя, как ты его промурыжила и бросила...» Да он мне никогда и не нравился, с его философствованиями, вечной неуверенностью в себе, враждебным миром, который всегда окружал Павлика. Кругом были враги, и он хотел найти себе боевую подругу, чтобы бороться с врагами, или, скорее, ловко прятаться от них, обводя их вокруг пальца...

Я помню Павлика, конечно! И даже смутно помню, как он пригласил меня на свидание и пришел заранее, чтобы я не смылась куда-то, караулил у подъезда. А я взяла лыжи и пошла в парк кататься, с удовольствием и совершенно одна. И что, теперь, через сто лет, резать мне колеса? В самый неподходящий момент. Хотя разве бывают подходящие моменты, чтобы обнаружить, что какой-то озлобленный недотепа отомстил таким образом твоей любимой машине?

– Паш! – я крикнула, не надеясь, что Павлик отважится посмотреть в мою сторону.

Он действительно вздрогнул, демонстративно стряхнул пепел, бросил сигаретку и, помедлив секунды две, забежал с балкона в квартиру, плотно прикрыв балконную дверь. И ладно. Не хочу я с ним разбираться. Стыдить его, что ли? Или заставлять менять мне колесо? Бесполезно. Не умеет Павлик менять колесо, у него отродясь не было машины. Все силы ушли на борьбу с внешним врагом. Какие уж тут машины!

Я хотела быстро поставить запаску, но вспомнила, что уже быстро ее поставила за пару дней до своей аварии, таинственным образом активизировавшей во мне гены бабы Веры Колдушиной... Так что ставить мне сейчас было нечего.

С сожалением кивнув своей пораненной Мазде, я подошла к подъезду и набрала на домофоне номер Пашиной квартиры.

– Да-да? – ответил он очень солидным голосом, каким говорят только самые отпетые неудачники, вкладывая в интонацию голоса всю неизрасходованную мужественность и представление о том, каким его должны видеть со стороны.

– Паш, тут я у подъезда машину свою оставляю, новую Мазду, красную, красивую. Постереги, чтобы никакой урод второго колеса не порезал, хорошо?

Я слышала тяжелое дыхание Паши в домофон и нажала кнопку сброса. Такая бесценная жизнь досталась именно Паше, слабому, неспособному мальчику. А брат Паши, погодок

Валечка, умный и смешливый, погиб во втором классе по нелепой случайности, упал с того самого балкона, на котором сейчас Паша так меня ненавидел. И Паша не смог прожить ни за Валечку, ни за самого себя.

Глава 7

Задумавшись, я быстро шла по улице. И не сразу поняла, что запаха свежее испеченной булочки, который уже некоторое время не давал мне спокойно идти – я все смотрела, где же булочная с горячим хлебом, – на самом деле не существует. То есть он существует в воображении маленького мальчика, чем-то напомнившего мне бедного Валечку, о котором я только что думала.

Вполне прилично одетый мальчик шел один, со спортивной сумкой и мечтал о горячей булке. Как бы мне хотелось побыть сейчас настоящей феей, купить в каком-нибудь ларьке булочку и дать ему. Хотя не исключаю, что купить хлеб он и сам бы мог. Если его отпускают одного, то и денег, вероятно, дают. А хочет он есть, как нормальный и обычный ребенок. Я всегда хотела есть в детстве. Обедала – и через полчаса снова могла бы съесть булочку с изюмом или корицей... Я, кажется, тоже голодная, мама же мне так и не дала поковырять варенье. Последний раз я ела, точнее, пила пустой кофе на радио.

– Ты не знаешь, здесь нет поблизости пекарни или булочной? – спросила я мальчика.

Он, чуть помедлив, ответил:

– Нет. Не знаю.

Мальчик даже приостановился, внимательно посмотрел на меня, потом решительно пошел дальше.

– А какого-нибудь кафе, где можно съесть булочку? – сама не знаю, почему я спрашивала это у маленького мальчика. Дети сейчас научены телевизором. Любимые народом артисты снимаются в социальных клипах, объясняя не додумавшимся до этого своим умом родителям, что детей нужно учить не верить чужим людям и не вступать с ними в разговор.

Мамин район я и сама знала достаточно хорошо, хотя сейчас в самых неожиданных и привычных местах появляются кафе, платные поликлиники, салоны красоты.

Скажем, на бульваре напротив маминого дома, там, где когда-то был классический советский овощной магазин, темный, с вечно грязным полом, вонючим задним двором, который я старалась обходить стороной – из-за удушающей, прилипчивой вони и нагло шныряющих крыс, сейчас открылась дорогая, сверкающая синим перламутром и хромом поликлиника.

А в бывшем моем доме, из которого я недавно уехала, прожив там пятнадцать лет, в подвале, где тоже раньше жили толстые наглые крысы, вероятно родственницы бульварных, бегавшие по стенкам нашего мусоропровода, теперь расположилось агитационное бюро проправительственной партии. Можно зайти в чистое, приятное помещение, проконсультироваться по любому интересующему тебя юридическому вопросу и заручиться поддержкой влиятельной партии. Просто так, ни за что. За укрепление, укоренение новой, пока не очень понятной мне лично власти.

Мальчик, услышав мой вопрос, кивнул, но не мне, а как будто кому-то другому.

– Ты что? – Я видела, конечно, что он остерегается со мной говорить, но не хотела этого оставлять.

– Нам так на ОБЖ и говорили. Как раз в понедельник учительница рассказывала.

– ОБЖ – это...? – спросила я, надеясь, что, объяснив мне очевидное, мальчик должен почувствовать легкое превосходство и успокоиться. – Что это такое? Занятия какие-то?

– Обеспечение безопасности жизнедеятельности! – четко выговорил мальчик. Я увидела, как смешно и трогательно растут у него передние зубы, перегоняя друг друга, и оба первых зуба еще не выросли до конца.

– Урок такой?

– Да, – ответил мне мальчик и остановился. – И если ко мне подойдут на улице, я не должен разговаривать. И если пригласят пообедать или купить игрушку, гейм-бой, например,

я не должен идти никуда. Я только один в классе хожу без взрослых. Остальные – с бабушками и нянями.

– Правда?

Мне очень понравился мальчик. Я уже некоторое время назад поняла, что мне никуда не деться от материнского инстинкта, и везде, где есть дети, я с удовольствием с ними общаюсь. Хотя бы так...

– Правда. Потому что я ответственный.

– А как тебя зовут?

– Это нельзя отвечать, – серьезно объяснил мне мальчик.

– Понятно. А я Лика. Я работаю в журнале и на радио, ты можешь меня услышать...

– Вы точно не воруете детей? – спросил мальчик.

– Точно, – я изо всех сил постаралась ответить так, чтобы мальчик мне поверил.

– Вот и они всегда так говорят, что они не бандиты...

Я достала свое журналистское удостоверение.

– Вот, веришь?

– А вы меня в машину не будете сажать? И увозить?

– Нет, у моей машины дядя Паша проколол колесо.

– За что? – поинтересовался мальчик.

– За то, что я когда-то смеялась над ним.

Мальчик немного подумал:

– Да, за это можно проколоть колесо.

Я вздохнула – что ж, даже ребенок согласен, что я когда-то была неправа, посмеявшись над слабым Павликом.

– Ты куда сейчас идешь? – Я улыбнулась мальчику. – И как тебя все-таки зовут?

– Зовут Женя... – Он тоже вздохнул. – Евгений Апухтин. Я иду домой. Но я специально иду долгой дорогой...

– Почему?

– Потому что у нас в подъезде свет не горит. – Мальчик быстро взглянул на меня. – Я не боюсь! Но просто...

– А хочешь, мы пойдем куда-нибудь с тобой поедим? Я хочу есть, а есть одна не люблю...

Я немного лукавила – есть одна я привыкла. Но мне очень не хотелось возвращаться сейчас домой и сидеть там одной, глядя на погибшую строманту. И еще я понимала, что поступаю несколько странно и неправильно с точки зрения ОБЖ – обеспечения безопасности жизнедеятельности, чужих детей в особенности, – не уверена, что родители Евгения Апухтина меня похвалят за это...

– А тебя дома кто-то ждет?

– Нет, – опять вздохнул Женя. – Мои родители уехали кататься на лыжах в горы, а я ночью сейчас у соседей. Но я только вечером к ним прихожу, когда диван раскладывают...

Я удивилась – куда же в апреле нужно поехать, чтобы покататься на лыжах, есть, конечно, такие места на земле, где-то очень далеко...

В ближайшем встретившемся нам ресторане Женя заказал себе большую тарелку спагетти (я настоятельно просила его не скромничать), а сама я так зримо видела перед собой большой нежный кусок телятины, как будто его представлял кто-то другой, а не я... Я даже подумала, не Женя ли мечтает впиться зубами в сочное мясо, и спросила его:

– А мяса не хочешь? Жареного, с соусом каким-нибудь...

Женя вздрогнул:

– Я не ем мяса.

– Совсем?

Он с ужасом помотал головой, но я могла бы не спрашивать. Я уже чувствовала это ужасное отвращение, видела перед собой кошмарную разодранную плоть, с жилами, кровью, грязную, с прилипшими короткими толстыми волосками, чувствовала тошнотворный запах гниения...

Я помахала рукой официанту, чтобы он вернулся:

– Не надо мяса. Мне... лепешку какую-нибудь принесите...

– С сыром? – вежливо улыбнулся официант.

Я подозрительно посмотрела на Женю. Он невозмутимо продолжал разглядывать потолок, с которого спускались прозрачные светильники на длинных шнурах. Никакой ужасающей картины у меня внутри не возникло – ни густого запаха сыроварни, ни падающих в сычужную закуску мелких животных, водящихся в хозяйстве, ни хруста, с которым они прокручиваются вместе с будущим сыром в большом автоматизированном чане...

– Да, с сыром. И... салат.

– Без лука! – тут же встрял мальчик, и я прямо отшатнулась от как будто ударившего меня в нос сильного, невыносимо противного запаха лукового перегара. Ну да, если лучком заедать водочку...

– Дядя Сережа любит лук? – негромко спросила я Женю.

– Любит, – спокойно ответил мальчик, по-детски ничуть не удивившись моей догадке. Ведь если это знает он, почему бы этого не знать и мне? – А я ненавижу.

– Я уже поняла...

– Вы все понимаете сразу, да? – уточнил тем не менее Женя. – Как моя бабушка. Только она не в Москве живет. До нее триста шестьдесят километров надо ехать. Меня на каникулы к ней отвезут.

– А... бабушка все понимает? – осторожно спросила я.

– Да, – кивнул Женя. – Когда я прошлым летом залез в шкаф, чтобы посмотреть, как включается балерина в бутылке, она там вертится... и случайно дверца отвалилась у шкафчика, бабушка сразу поняла, что я просто хотел балерину посмотреть.

– Понятно.

Жаль, а я-то уж было подумала, что с бабушкой Жени Апухтина можно поговорить на тему моих странных и не всегда приятных видений.

Я проводила мальчика домой. Зайдя в полутемный подъезд, я ощутила весь страх ребенка. Мне сразу стало понятно, что под лестницей в темноте сидит сейчас с ножом... нет, с пистолетом... нет, с ножом и пистолетом! – жуткий, чёрный дядька, с рожей, заросшей толстой щетиной... И ждёт нас... А в углу, в самом темном углу, за дядькой – там вообще что-то такое страшное, что не поддается описанию... То ли отрезанные руки, то ли нарезанные на кусочки чьи-то ноги, то ли целый мешок вырванных глаз...

– Женя! – невольно вскрикнула я.

– Что? – вздрогнул мальчик.

– Нет, нет, ничего, давай быстрее пройдем... Хотя... Погоди-ка...

Я остановилась на второй ступеньке и увидела, как мученически исказилось лицо мальчика. Конечно, ведь останавливаться нельзя! Надо быстрее выйти на свет, пока дядька не выскочил из темноты на нас, не накинул веревку... Я чуть было вместе с Женей не побежала на площадку первого этажа, но заставила взять себя в руки.

– У тебя ведь телефон «Нокиа», я видела в ресторане, да?

– Да... – шепотом сказал мальчик.

Нельзя разговаривать, нельзя, мы теряем время, вот он уже поднимается...

Я взяла мальчика за плечо и крепко сжала его.

– В твоём телефоне должен быть фонарик, правда? Достань его, пожалуйста. Встань вот сюда, на ступеньку выше.

Пока мы стояли на второй из пяти ступенек, ведущих из темноты на площадку, глаза уже привыкли к темноте, и на самом деле и без фонарика было видно, что под лестницей ничего и никого нет. Но я подождала, пока Женя достанет фонарик.

– Включай. Дай мне его. Смотри. Там никого нет. Видишь?

Женя достаточно смело посмотрел в страшный угол. И кивнул. Но я уже знала вместе с ним, что ужасный дядька, маньяк и расчленитель, просто прошел сквозь стенку и спрятался в подвале, и ночью он будет скрестись и выть в этом подвале и пробираться по стояку прямоком в Женину квартиру. И ходить по ней, пока родителей нет, а Женя ночует у соседки, и искать Жениных новых солдатиков, целую армию крошечных воинов, с настоящими лицами, миниатюрными пистолетами, воинов прекрасных и как будто живых, и еще мамину шкатулку с деньгами, которую она перепрятывает из шкафа в шкаф, – тоже, значит, боится его, страшного...

– Нет, – сказала я. И замолчала.

Я хотела сказать, что в подвале просто скребутся крысы, а дядька сквозь стены не ходит. Но видела лицо мальчика и понимала, что сказать надо другое:

– Есть один способ... Мне его в детстве показали... Только надо очень точно делать. Запоминаешь?

Мальчик серьезно кивнул.

– Смотри. Руку вот так сделай. Хорошо. Теперь сложи пальцы. Теперь крест нарисуй в воздухе... Нет, так, чтобы себя перекрыть... Вот, теперь правильно. Всё. Он не сможет переступить это пространство.

– Точно? – Женя посмотрел на меня с такой надеждой, что мне захотелось каждый день встречать его и провожать до квартиры.

– Точно. Меня всегда это спасало. Я даже на кладбище ночью однажды ходила... – стала врать я для убедительности и вдруг поняла, что делаю это напрасно. В глазах мальчика появилось сомнение в том, что я говорю. – То есть... – поправилась я, – не на само кладбище, а... рядом. Все равно было очень страшно.

– Я бы не испугался! – сказал Женя, поднимаясь через две ступеньки со своей тяжелой сумкой.

– Ясное дело, – ответила я, с трудом догоняя его. Заныла нога. Я, кажется, совсем забыла предписания доктора, просившего меня ходить не больше часа в день, не прыгать через две ступеньки с тяжелой камерой и заниматься лечебной гимнастикой.

Глава 8

– Костя? Какой Костя?

Спросонья я не поняла, кто из множества Кость, которых я знаю – как минимум два на работе, врач из больницы Константин Игоревич, те спортсмены-чемпионы-артисты, у кого я брала интервью и так далее, – кто же мне звонит в столь ранний час. Почему час мне показался ранним, я не знаю. На самом деле, когда я приподнялась, чтобы посмотреть на будильник, он показывал почти девять часов. «Можно проспять всю жизнь», как говорил папа, все пытавшийся что-то такое успеть за свою жизнь, что пережило бы его самого.

– Лика, прости, если я тебя разбудил... Мы ведь на «ты»?

– На «ты», на «ты», – успокоила я неведомого Костю.

В журналистском мире, как в деревне, – все на «ты». Так гораздо проще – можно говорить и писать необязательные глупости, задавать неприличные вопросы, да и просто – как приятно быть со всем миром на короткой ноге. Ощущение свободы и какой-то невзрослости, что ли. Вот в Швеции даже короля называют на «ты». Все чувствуют себя близкими родственниками в маленькой благополучной Швеции. Только почему-то количества депрессий и самоубийств там больше, чем где бы то ни было.

– Лика, не удивляйся, я все думал о нашей последней встрече... У меня к тебе в этой связи есть просьба. Не сможешь ли ты мне в одном деле? Вернее, не попытаешься ли помочь...

Я пока так и не узнала голос звонившего человека. С просьбами о помощи ко мне обращаются чуть ли не ежедневно, в связи с особенностями моей профессии. Иногда реально мои статьи никому не помогают, просто человеку кажется – если о его проблеме узнали другие, то как-то и проблема рассосется, люди посочувствуют, и вообще...

– Да, постараюсь. – Вот теперь бы мне и уточнить фамилию Кости, но он опередил меня:

– Приедешь сегодня ко мне на прием? Где-то между двенадцатью и двумя, тебе удобно? Там у меня пациентов нет пока...

«Пациентов»... Неужели Костя Семирява сам мне звонит? А я ведь как раз собиралась к нему прийти еще раз. Но, правда, не так скоро, не на следующий день. Только бы Костик не заболел опять своей детской влюбленностью в меня. Мне будет жаль его.

– Где лучше к тебе сворачивать? – уточнила я, чтобы убедиться, что не ошибаюсь и это звонит Семирява. – А то я вчера что-то никак не могла сообразить, как подъехать...

Сказав это, я вспомнила, что машина моя стоит около маминого подъезда, и если Павлик хорошо сторожил ее, то проколото у нее лишь одно переднее колесо...

– По Багратионовской и в первый переулок налево, – ответил мне Костя, которому, видно, даже в голову не приходило, что я могу не узнать его по голосу.

Я приехала, чуть опоздав. Я все же попыталась ловко заклеить с помощью куска резинового шланга свое колесо. Колесо спустило тут же, как только я отъехала. Я решила, включив аварийку, дотянуть до ближайшего шиномонтажа. Проехала метров пять, поняла, сколько неприятных эмоций доставлю себе и сотням водителей, и без меня нервно ползущих в бесконечных, невыносимых пробках, похожих на тяжело дышащих больных змеев, мучительно извивающихся по улицам, заполняя их своей страшной, дымной, опасной плотью... Кое-как припарковалась, заставив свою бедную Мазду залезть спустившимся колесом на тротуар, и пошла пешком к метро.

Костя ждал меня в приемной своего платного кабинета. Как старую добрую знакомую он крепко обнял меня и провел в кабинет. В его объятиях я не почувствовала ничего лишнего, хотя, кто знает...

– Я сразу к делу, хорошо? Я думал над твоими вчерашними словами. Если это правда, может, ты поможешь мне в одном деле? Дело тонкое, пациентка сложная, крутит, вертит, то ли ей действительно плохо, то ли она так развлекается... Я от нее безумно устал, уже раз двадцать хотел предложить ей другого врача, но что-то меня останавливает... Не взглянешь на нее?

Я даже оторопела, когда поняла, чего же от меня хочет Костя. Чтобы я постаралась понять, что внутри у его пациентки. Значит, он мне поверил? И так спокойно к этому отнесся, будто это обычное дело и я просто принесла ему некий аппарат, который он может использовать в своей работе. Или я переводчик... С неведомого языка.

– Костя... А это... этично?

– Ох... – мой старый товарищ глубоко вздохнул. – Ты часто оперируешь такими категориями? Вообще – моя работа этична? Залезать в кишки, фигурально выражаясь, к пациентам, выслушивать весь больной и здоровый бред, который они больше никому, кроме меня, не говорят.

– Но ты же не психоаналитик, а психиатр, кажется, – осторожно заметила я. – В смысле по профессии...

– Ты уверена, что кто-нибудь знает, где эта грань? – засмеялся Костик. – Между проблемами действительно здоровых людей, в которых они запутались и не могут найти выход, и патологическим состоянием внешне тоже вполне здоровых людей, которые раз в год, в период обострения, выбрасывают в окно телевизоры, любимых собачек и близких родственников?

– Я вообще-то не собиралась...

Как-то не была я готова к подобному повороту дела, и даже профессиональное любопытство мое сейчас не просыпалось. Я вообще не люблю тем, связанных с психическим нездоровьем, стараюсь их избегать в работе. Я и до Костиных слов всегда знала, что слишком зыбки границы между здоровым, «нормальным» человеком и тем, что в обыденной жизни мы называем «псих». Вот Костя, скажем, тоже псих. Вместо того чтобы постараться помочь мне, разобраться с моей травмой и ее последствиями, он... Или же...

Я быстро взглянула на Костю. Или же он решил, что я точно спятила после аварии и таким образом, хитро, как он думает, вызвал меня на прием, чтобы как-то мне помочь не свихнуться до конца? Интересно, не звонил ли он моей маме, не узнавал, в какой клинике я лежала?

– Костя... – я начала и остановилась.

Я не узнаю этого напрямую. Действительно ли Костя думает, что я могу помочь ему своими сверхъестественными способностями с какой-то пациенткой, или он просто хочет понять, насколько серьезно я сбрендила после аварии? Надо вставать и уходить. Но... Моя профессия сильнее меня. Вот и проснулось любопытство. Какой поворот! Вызвать меня якобы для помощи, а на самом деле... Это, конечно, мои домыслы, но я же не с мясником имею дело, а с ювелиром человеческих душ, не очень здоровых, к тому же. Ювелиром, привыкшим плести тонкую, долгую сеть и крепко держать в ней своих беспокойных пациентов.

– Когда она к тебе придет?

– Она здесь, в соседнем кабинете, – ответил Костя и как-то очень внимательно посмотрел на меня. Или мне это показалось? – Слушает музыку, я часто пациентам перед сеансом психотерапии ставлю музыку, это нормально, ты знаешь, наверно.

Я кивнула. Я не знала этого и вообще ничего не знала о психотерапии, и не стала бы узнавать, если бы не мои собственные обстоятельства. Всю жизнь боюсь и не люблю всего патологического, нездорового, особенно из области психики. Грань-то зыбкая, а вот то, что на шаг от грани в ту или другую сторону, уже очень отличается.

Глава 9

Костя нажал на кнопку на небольшом аппарате, похожем на утроенный кнопочный телефон. Раздался мелодичный звук, поменялся свет в кабинете, стал более приглушенным, одновременно задвинулись шторы и щелкнул замочек в двери, ведущей в соседнюю комнату.

Я в восхищении покачала головой.

– Да, а как ты думаешь? – потянулся Костя, и я заметила напрягшиеся под тонкой рубашкой мышцы груди. Стараются мой товарищ детства, держит себя в порядке, наверно, раза два в неделю тренируется... – Надо соответствовать окружающему миру. Люди, приходящие ко мне, именно так и живут. «Умный дом», знаешь, есть такое понятие. Не вставая с постели, включаешь свет в гараже и смотришь на мониторе, что там – мышка побежала или кто-то хочет у Роллс-ройса колеса открутить... Дорогая система. Но на пациентов действует безошибочно.

– Больше, чем ты сам?

Я, видимо, плохо сформулировала вопрос, я-то не имела в виду ничего интимного. Но Костя захотел понять меня именно так. Все-таки, похоже, всколыхнулась детская болезнь, будь она неладна!

– Я сам, к сожалению, не на всех могу подействовать... – сказал он очень глупым голосом и посмотрел на меня долгим взглядом.

Ужас. Ненавижу такие ситуации.

Жизнь так долго берегла меня от счастливой любви, что я перестала верить в ее существование. Для себя, по крайней мере. А того, что мне сейчас мог предложить Костик, в моей жизни вдоволь хватало бы и без него, да ровно ничего не стоило.

Я встала.

– Мне спрятаться?

Костя от неожиданности фыркнул. И я вдруг вспомнила, как он маленьким стоял под окном моей квартиры – мы с родителями жили на первом этаже – и, держа в руке шоколадку, звал меня, почему-то очень тонким голосом. А я сидела за своим письменным столом, боком к окну, видела его темную макушку и руку с шоколадкой. Рукой он время от времени махал, надеясь привлечь мое внимание. Потом я все-таки высунулась в окно. Костя подарил мне шоколадку и спросил: «Ты выйдешь?» Что я ответила, не помню. Но отлично помню растаявшую шоколадку, «Аленку», коричневую сладкую лужицу в серебристой смятой фольге, которую я лизнула и есть не стала. Скомкала обертку и выбросила.

– Прятаться... Нет. Ты посиди здесь, я скажу, что ты моя... аспирантка, – Костя опять очень глупо ухмыльнулся. А ведь степень есть, где-то я видела на двери табличку. Доктор наук, кажется... – Имею право, в конце концов!

Я знала, о каком праве абсолютно помимо своей воли и докторской степени он сейчас думал. Но продолжала серьезный разговор.

– А как же тайна психиатрической исповеди?

– Лица... – Костя как-то беспомощно вздохнул и приложил красивые, но очень уж небольшие руки к груди.

Что-то он хотел сказать мне, но не стал. И правильно. Что тут скажешь, если он со всех сторон сейчас неправ? Влюбляться он права не имеет – пусть детей своих растит и хранит верность жене, которая с ним живет не первый год. На прием к другой пациентке тоже по врачебной этике приглашать он меня не может...

Быстро, ничего больше не говоря, Костя прошел к двери, которую недавно отпер с помощью автоматизированной системы, широко открыл ее и приятным, спокойным голосом позвал:

– Надежда Львовна! Прошу вас.

В кабинет вошла эффектная, но уже очень немолодая дама с пышными, похоже, взбитыми волосами. Не люблю отгадывать возраст других женщин, ведь почти каждая после тридцати пяти хотела бы, чтобы это был самый большой секрет ее жизни.

Дама была хорошо одета, несла себя, как дорогой подарок, и при этом как будто не была уверена, что этот подарок сможет кто-то по достоинству оценить. Я увидела сомнение в ее глазах еще до того, как она обернулась и заметила меня.

– Я... – Она резко остановилась.

– Надежда Львовна! – предупредительно поднял руки Костик. – Это Лика, моя аспирантка. Она просто посидит с нами.

– Но это невозможно! – воскликнула дама резковатым голосом, как будто не попадая на нужные ноты. Есть такие голоса, звучащие, как фальшивая мелодия. Когда я их слышу, мне хочется попросить спеть еще раз, поточнее...

– Надежда Львовна, присаживайтесь. Лика учится у меня, понимаете? Учится мастерству. Ее ваши проблемы занимают... м-м-м... в меньшей степени. Вообще не занимают, поверьте мне! У нее другая тема.

– Какая же? – спросила Надежда Львовна, даже не подходя к стулу и нервно поглядывая на меня.

– Производственные конфликты в мужском коллективе и их решение, – безо всякой паузы ответил Костя.

Я постаралась сдержать улыбку. Что же это за коллективы такие? Воинская часть, что ли? Или рок-группы? Но ведь и там могут быть женщины. Остается – бригада заключенных, изготавливающих осветительные приборы или собирающих несложные запчасти для швейных машин... Или команда атомной подводной лодки.

Я кивнула. Что бы там ни пытался таким образом сейчас решить для себя Костик – пусть. Мне тоже стало интересно. Не в проблемы Надежды Львовны вникать, а разобраться в моих собственных – для начала понять, что думает о них опытный и равнодушный ко мне психиатр.

Надежда Львовна все же села на стул, но на самый краешек.

– Поудобнее присаживайтесь, и лучше – вот сюда, – Костик показал на другой стул, мягкий, с подлокотниками, сев на который, его пациентка оказалась бы лицом ко мне. Или две пациентки оказались бы лицом друг к другу?

Надежда Львовна нехотя пересела. А я приготовилась слушать, смотреть и воспринимать чужой мир.

– Как вы сегодня спали? Не вставали ночью? – спросил Костик.

Надежда Львовна ему что-то ответила. Костик спросил еще и еще... А я через некоторое время перестала прислушиваться к разговору, потому что была поглощена другим: а я ведь ничего не видела и не слышала – что там внутри у Надежды Львовны происходит. Что болит, чего она боится, о чем страдает – то, что рассчитывал с моей помощью узнать Костик (если ему верить), и то, что должна была услышать я.

Вот и все? Кончился мой дар? Костя встревоженно взглянул на меня, я сделала ему знак, что все в порядке.

Да нет, так не бывает. Только вчера все было, как было... Еще когда я шла домой, проводив Женю Апухтина, я успела понять, задержавшись на минуту у киоска печати, что у продавщицы кончились сигареты, и если она сейчас не сбегает в ларек, и не купит пачку, и не закурит, то ей просто станет плохо.

Ей хотелось курить так, что она думала попросить мужчину, стоявшего рядом с киоском и только что закулившего и выбросившего пустую пачку, дать затянуться пару разочков. Глубоко вдохнуть ароматный дым, пропустить его через весь организм спасительной волной и с удовольствием, не сразу, выдохнуть. А закрыть киоск и отбежать она не могла – ждала

постоянного покупателя, отложившего вчера три журнала на четыреста рублей. Журналы она должна была сдать еще вчера, и, если он не придет, хозяин может потребовать, чтобы она заплатила за них.

– У вас сигаретки не будет? – спросила я другого мужчину, стоявшего поодаль и тоже курившего в ожидании троллейбуса.

Он не очень довольно посмотрел на меня, но, увидев вполне приличную особу, достал пачку, открыл ее и протянул мне.

– Можно я две возьму? Спасибо.

Стараясь побыстрее отвернуться от его взгляда – слегка недоуменного и даже, как мне показалось, брезгливого (а что уж такого-то, собственно?), я взяла сигареты и опять подошла к киоску.

– Какой там у вас номер «Дома и сада»? – спросила я продавщицу. И пока она, тяжело вздыхая, залезала на табурет, чтобы посмотреть номер журнала, я быстро положила ей эти несчастные сигаретки и вскочила в подошедший троллейбус.

Курить – здоровью вредить, это ясно. И ни одна настоящая фея не стала бы помогать человеку стрелнуть сигарету. Но я же не фея, я сама когда-то курила, правда, могла обходиться без сигарет. Не бежала ночью в киоск, если не было сигарет. Но я знаю, как нервничает отчим, когда мама, бдительно очистив все карманы и проверив допотопную авоську, с которой он ходит в магазин и за газетами, выбрасывает его записки из-за батареи или из-под отвалившейся и неплотно прилегающей к полу паркетины. И тогда Петр Евгеньевич не находит себе места, начинает тосковать, звонить по давно несуществующему телефону первой жены – просто чтобы кому-то позвонить, кто может посочувствовать его бесправию и безысходной кабале...

Потом в троллейбусе я четко услышала ужасную музыку – громкий ритм и четыре ноты. И я бы подумала, что слышу звук из чьих-то наушников. Но музыка доходила до определенного момента, останавливалась и начиналась с начала. Мало того, я увидела, как под нее танцуют несколько девочек лет семи-восьми, в гимнастических черных купальниках. Танцуют что-то детское, плохо соответствующее этому дикому ритму. Мне показалось, что одна из девочек вдруг упала, неправильно подвернув ногу.

Оглянувшись, я увидела задумчивую молодую женщину, довольно милую, рыженькую, стоящую у самого окна и рисовавшую на стекле какие-то замысловатые фигуры. Музыка прервалась, девочки начали танец заново, и рыженькая снова и снова чертила пальцем прерывистые линии. Потом она досадливо вздохнула, стерла все свои рисунки, и музыка в моей голове стихла.

Танец был такой чудесный, наивный, простой, и вид лежащей девочки с вывернутой ногой так мало соответствовал радости этого танца... Мне даже показалось, что, если бы не странная, неподходящая музыка, девочка не упала бы и не повредила бы ногу... Рыженькая вдруг как-то удивленно взглянула на меня и стала протискиваться к выходу.

Вдруг она тоже услышала мои мысли? У меня, кстати, раньше это часто бывало, но в основном в общении с детьми, когда я некоторое время пробовала преподавать литературу в школе. Иногда я совершенно четко понимала, что сейчас скажет мой ученик. Просто я не придавала этому такого значения. А может, и надо было, принимая во внимание, что прабабушку мою окрестили Колдушиной зловредные односельчане...

И я все-таки думаю, что история про кол и корову – гораздо более поздняя, чем бабушкина фамилия. Не прилипает уже в наше время ничего нового к имени человека, не становятся хромые Хромушиными, а глуховатые – Глуховыми. Это все тащится из глубины веков, из совсем другого мира и другого сознания человека, гораздо более детского и определенного по сравнению с нашим.

Кузнец ты – так и будут твои дети Кузнецовы, помещик твой Павлов, так и ты будешь Павловским. Палец оторвало твоему отцу – все его и твои дети будут ходить Беспальными или Беспаловыми. Остается только удивляться, что на Руси столько Козловых, а Лошадиных нет. Был маршал Конев, но не очень популярная фамилия. Столько Котовых, а Собакиных гораздо меньше.

И моя бабушка все-таки, наверное, просто соответствовала своей фамилии, пришедшей к ней – к нам, получается теперь – из глубины веков. От какой-то давно забытой нашей родственницы, ни лица, ни имени которой я не знаю. Но догадываюсь, что колдовала и ворожила моя прапрапрабабуля, видимо, на всю катушку, всё про всех зная и понимая...

Однако сейчас, слушая Надежду Львовну, глядя на нее, я не видела и не слышала ничего, кроме ее ответов на вопросы Костика.

Он несколько раз вопросительно взглядывал на меня, но я пожимала плечами. Все, я больше ничего не вижу и не слышу – того, тайного, что не предназначено для моих глаз и ушей. И ладно. Пропал дар, так пропал. Исчез, испарился. Или перешел к тому, кто смог бы воспользоваться им по делу, а не сигаретками окружающих угощать.

Я как-то расслабилась, даже послушала довольно интересный разговор Костика с Надеждой Львовной. Он очень умело строил беседу, задавая вопросы так, что Надежда Львовна не имела никакой возможности отвлекаться от основной нити, по которой ее упорно вел Костик. А сама нить вела в хорошее, надежное будущее.

И Надежде Львовне только оставалось не сопротивляться, всеми ножками-ручками запутаться в Костиной сети и оказаться не сегодня – так завтра в прекрасном пространстве, где ее муж перестанет изменять с молодыми девушками, сама Надежда Львовна волшебным образом преобразится и не будет похожа на упитанную, тщательно накрашенную жабку.

Там, в прекрасном будущем, она никогда не станет кричать в ответ на раздраженные окрики мужа. Дети будут любить ее, как любили в детстве, – горячо и безоговорочно. А маленькие неприятные коллажики, которые делает из обрезков ткани Надежда Львовна в свободное время – с цветами, ягодками, ангелочками и пряничными домиками, – станут открытием в современном искусстве. Все начнут покупать эти картиночки, вешать их у себя дома...

Надежда Львовна превратится в успешную художницу из никчемной, зависимой домохозяйки, вынужденной два раза в месяц писать отчеты своему родному мужу, все родинки, болячки и морщинки которого она знает наизусть и так давно, что все, что было до его болячек и родинок, кажется чужой жизнью. И она не будет больше никогда писать эти унижительные отчеты о каждой потраченной копейке, с подробным описанием купленного товара – не просто свечи, а от геморроя, не просто капли, а от климакса, не просто шампунь, а от облысения...

Сеанс как-то незаметно подошел к концу. Удовлетворенная и чуть покрасневшая Надежда Львовна поблагодарила Костика и положила ему на стол две бумажки по сто евро. И это она тоже впишет сегодня мужу в отчет: «Визит к психоаналитику – 200 евро».

Когда она ушла, Костик спросил меня:

– Ну как? Что видела, что слышала?

Я лишь пожала плечами.

– Не хочешь говорить? – Костик расслабленно откинулся на своем большом кресле, похоже, настроившись на длинный разговор.

Я встала и пошла к выходу. Уже у дверей сказала:

– Я ничего не слышала, Костик, правда. Не знаю почему.

– Да и ладно! – довольно легко согласился Костя. – А куда ты собралась-то? Давай мы кофеюку выпьем с тобой, поговорим... У меня следующий пациент только через час.

– В другой раз, хорошо? Мне на работу нужно. – Я уже открыла дверь, но все же обернулась и спросила: – Все понимаю, кроме одного. Шампунь-то для мужа, наверняка. У нее же самой такая шевелюра – на троих хватит. Так что же она стесняется – пусть так и пишет:

купила тебе, мой лысеющий малыш, очень дорогой шампунь, чтобы ты не облысел вконец... Тщедушный, желчный, похотливый и жадный муж – какое неприятное сочетание.

Костя задумчиво посмотрел на меня и очень мягко спросил:

– Какой шампунь, Лика?

– Да тот, что она записывает в отчет о расходах!

– Мы не говорили о шампунях и расходах сегодня, Лика...

У меня спасительно звякнул телефон в сумке, я прикрыла дверь, кивнув Костику:

– Я сейчас!

А сама побыстрее взяла с вешалки свою куртку и поспешила уйти.

Значит, по заказу не получается. Получается только само собой. Это уже лучше. Точнее, это вносит некоторую ясность. Зарабатывать этим не получится. Меня попросят узнать, о чем страдает дочь-девятиклассница, почему она изгрызла все ногти и шариковые ручки, а я буду видеть новые стрижки для комнатных собачек, о которых думает ее мать, и ажурные трусики папиной новенькой секретарши...

Что видится, то и видится, по своим неведомым законам.

Глава 10

Выйдя на улицу, я перезвонила шефу, три пропущенных звонка которого увидела на телефоне. Для проформы отчитав меня (у меня ненормированный рабочий день и я, собственно, не совсем обязана с утра пораньше отвечать на все его звонки), он попросил:

– Не съездишь к Верочке? Пиши адрес...

– Я знаю ее адрес. А что случилось?

– Да родители поручили мне ее, уехали на несколько дней. Она вообще-то одна живет, но совершенно несамостоятельная... Мать ей обычно готовит на два дня, все привозит, белье забирает в стирку, и вообще, сама понимаешь, девочка молоденькая, как там и что...

– Я в курсе. Но вчера с ней все было в порядке.

«Если можно назвать порядком состояние безумной влюбленности в несвободного и, по всему ясно, не очень порядочного человека», – подумала я, но делиться с Вячеславом Ивановичем своими соображениями не стала.

– Вчера – да. А сегодня она с утра не поднимает трубку. Хотя я ей обещал очень интересный репортаж...

Я была практически уверена, что Вячеслав Иванович расстарался и действительно нашел для Верочки интересную тему, чтобы как-то отвлечь ее от взрослого и жестокого любовника. Если честно, то такая забота родственников друг о друге у меня вызывает только искреннее умиление. А как иначе? Кто же еще позаботится о потерявшейся в своей ненужной любви Верочке?

– Съездишь? – повторил шеф. – Я никак не вырвусь, совещание у главного...

Я вздохнула:

– Машину почию и съезжу. Будет очень смешно, если Верочка не откроет мне дверь, потому что...

– Звони, если что! – прервал меня Вячеслав Иванович и отключился.

А я так и не поняла, что больше встревожило любящего дядю – что Верочка может умирать сейчас одна, или же что она вовсе не одна, а с утра пораньше, забыв о репортаже, о родственниках, обо всем, счастлива со своим Еликом, будь он неладен.

Я верю в хаотичность мира и ровно столько же – в его предопределенность. Разве одно исключает другое? Это как посмотреть... Есть ведь даже физический закон расширения хаоса, совсем недавно открытый одними учеными и практически сразу принятый другими, что бывает в науке не так уж часто.

Поэтому я ничуть не удивилась, когда, купив на остановке журнал «Знание – сила» (все-таки хорошо иногда без машины – видишь жизнь совсем с другой стороны!) и открыв его на первой попавшейся странице, я прочитала дословно следующее: «Физиологи Лондонского университета изучили десять человек, у которых активизируется определенная часть мозга в ответ на болезненные (как физические, так и эмоциональные) переживания другого человека, причем чужую боль испытываемые не имеют возможности воспринимать обычными органами чувств...»

Вот это да! Так значит, ничего сверхъестественного со мной и не произошло? Надо просто больше читать (а не писать самой). Не купи я этот журнал, я бы и не знала, что на Земле есть и другие люди, испытывающие такие же ощущения, как я. Вот бы с ними встретиться... А хотя – зачем? Чтобы создать общество колдунов и магов, читающих чужие мысли? Как бы это общество тут же не подгребли себе на службу силовые структуры, в качестве детекторов лжи, к примеру. А еще лучше – «советников» президентов, молча присутствующих на переговорах. Все узнавать про их планы и заодно про наши. И сидеть потом с военизированной охраной

на какой-нибудь фешенебельной даче в плену – до следующего «сеанса». Нет уж, спасибо, не надо.

Мои мысли вернулись к действительности – Верочка. Не скажу, что мне очень хотелось к ней ехать. Я прикинула – троллейбус, метро, и там тоже троллейбус либо пешком минут пятнадцать. А хотя... Ведь это тоже надо когда-то делать. Я так давно не ездила в троллейбусе, привыкнув пользоваться машиной, что вчера не могла сообразить, как совать билетик в турникет... Я вообще первый раз ехала в троллейбусе с турникетом! Я, москвичка, журналистка, пишущая на социальные темы в том числе и обязанная вообще-то быть в курсе городских новостей...

– Да пролезай уж снизу! – сказала мне вчера в сердцах какая-то дама в потертой песочной накидке, вместе со всеми пассажирами наблюдавшая, как я маюсь с билетиком. – Едут-едут в Москву, пока она не лопнет... Давайте все сюда приезжайте, а всю Россию китайцам с американцами отдадим! А сами-то все будем жить в Москве, на головах друг у друга! Пить водичку из Москвы-реки, в которой трупы бродячих собачек плавают, как рыбки в аквариуме... и фекалии из коттеджного поселка...

Я заслушалась даму в накидке, плавно перешедшую на тему страшного социального расслоения, неведомого даже индийцам. Так заслушалась, что забыла, зачем в троллейбус вошла. Наверно, бывшая преподавательница обществоведения в каком-нибудь техникуме. Донашивает старую меховую накидку в общественном транспорте и пытается как-то разобраться с помощью заброшенных, но вовсе никем не опровергнутых марксистских схем, что же с нами со всеми сегодня происходит.

К Верочке было далековато идти от метро, но я все же пошла пешком, по широкому бульвару, думая прогуляться. Но уже через несколько минут поняла, что это была ошибка. По обе стороны бульвара плотной вереницей медленно двигались машины, и воздух был отравлен настолько, что нельзя было глубоко вдохнуть.

Как странно. Всего за несколько лет жизнь в Москве изменилась настолько, что я, глубоко патриотичная москвичка в седьмом или десятом поколении, родившаяся и выросшая здесь, стала подумывать – а не уехать ли мне? Вот куда только? В маленький провинциальный городок, тихий, сонный, с неизменными теперь атрибутами нового времени – игровым клубом, маскирующимся под «букмекерскую контору», одним захудалым рестораном, парой банков, аптек и магазином электроники? Не факт, что там будет книжный магазин и кинотеатр, и уж точно не окажется выставочного зала.

И что я там стану делать? Дышать свежим воздухом? Чтобы клеточный обмен происходил так, как было задумано природой миллионы лет назад, чтобы мои клетки не старели и не умирали в два раза быстрее от ядовитого воздуха и грязной воды? Может быть... Надо начинать подыскивать себе такой городок. Если бы у меня был ребенок, я бы точно увезла его из Москвы, так мне кажется.

Глава 11

Верочка долго не открывала дверь, так долго, что мне пришлось несколько раз громко постучать. Все-таки это вернее, чем звонок. Мало ли кто может звонить. А стучит обычно полиция, или служба спасения, или очень разъяренные соседи... И точно, я услышала тихие шаги и слабый голос:

– Кто там?

– Я. Верочка, открой, пожалуйста. Это я, Лика.

Верочка помолчала и потом спросила:

– А что вы хотели?

– Можешь называть меня на «ты», – вздохнула я. – Дверь открой, пожалуйста, здесь очень неприятно пахнет из мусоропровода.

Верочка щелкала-щелкала замками и, наконец, распахнула дверь. Судя по всему, Верочка плакала так долго, что ее сейчас по форме распухших глаз можно было принять за представительницу другой расы. От милых круглых серых глазок остались две узкие щелочки, еле видные между багровыми, распухшими плюшками век. Некрасивое зрелище, прямо скажем.

Не спрашивая разрешения, я скинула куртку и, взглянув на давно не мытый пол прихожей, просто вытерла ноги о несвежий, криво лежащий коврик и прошла в комнату.

Боже мой! Как хорошо, что я никогда не знала такой любви, как Верочка! Похоже, что она, переживая какие-то бурные события своего романа (а иначе и не бывает, насколько я знаю, с женатыми мужчинами – все остро, бурно и крайне трагично для искренне влюбленных девочек), что-то писала и тут же рвала это.

По всей комнате разлетелся пух из порванной подушки – прогрызла, что ли, ее Верочка? – и вместе с разбросанными колготками и трусиками неровным ковром покрывал паркетный пол... На столе стояла открытая и наполовину выпитая бутылка вина, вторая, пустая, валялась под столом. Я прочитала на этикетке «сладкое крепленое» и покачала головой.

– Ты себя нормально чувствуешь? – спросила я растерзанную Верочку.

Та всхлипнула, но довольно недоброжелательно ответила мне:

– Нормально! – и даже ушла от меня в другой конец большой комнаты.

Конечно, помешала ей страдать.

– Собирайся, – я кивнула Верочке, видя ее в большое зеркало на стене.

Зеркало над кроватью (она же разобранный диван), было забрызгано чем-то светлым, причем с одной стороны. Скорей всего, просто Верочка давно не убиралась, сказала я сама себе и побыстрее отвернулась от зеркала, чтобы мои любопытные мысли ненароком не побежали дальше, по мутной дорожке чужих скабрезных тайн.

– Что вы хотите от меня? – нервно крикнула Верочка и достала сигарету из пачки.

Я не чувствовала табачного запаха в квартире и очень удивилась. Но Верочка, вместо того чтобы закурить, взяла и съела длинную белую сигаретку. И предложила мне:

– Хотите?

Теперь я уже увидела, что это жевательные конфеты, сделанные в такой оригинальной форме. Я, чтобы поддержать Верочкин порыв, тоже съела одну конфетку, сладкую и довольно противную, и повторила:

– Собирайся. Дядя посылает тебя на какое-то интересное задание. Ты ведь хотела быть журналисткой?

– Нет! – крикнула мне в ответ Верочка и для верности бросила пачку сигаретных конфеток в стену. Конфетки рассыпались, очень добавив к живописной картине на полу.

– Надо же, – заметила я, – а вчера ты мне показалась спокойной девочкой. Даже равнодушной.

– Нет! – повторила Верочка. – Не хочу я быть никакой журналисткой!

– А кем же ты хочешь быть? – вздохнула я, присаживаясь на край кровати, застеленной ярким голубым бельем. Еще можно было бы сесть в кресло, но на него был вывален целый пакет Верочкиных лифчиков, красивых, разноцветных.

– Домохозяйкой!

– Супы варить хочешь? – удивилась я.

– Супы варят домработницы! А домохозяйки – это... жены! Они... У них... А! – Верочка махнула рукой, имея в виду, что разговаривать со мной смысла нет.

– А живут эти домохозяйки где? На Рублевке? – наконец догадавшись о Верочкиной мечте, спросила я.

Верочка опять скривилась, как будто я сказала какую-то глупость. Да, правда, они живут в разных местах – и в Барвихе, и в «Алых парусах», и в «Триумф-паласе», и на Балеарских островах – эти «домохозяйки»... Слово-то какое!

– Ладно! Все равно собирайся! Дядя уже договорился, что ты приедешь.

– Да не поеду я никуда! – опять стала повышать голос Верочка. – Вы же ничего не понимаете!.. Елик мне вчера сказал, что... – и Верочка зарыдала.

Я ждала, пока Верочка перестанет плакать, и с удивлением чувствовала, что Верочку мне почему-то ничуть не жаль. Может быть, потому, что я упорно представляла себе того Елика, которого встречала как-то на фуршете, гладкого, наглого, лживого, и которого как-то невольно ассоциировала с Верочкиным любовником – а это ведь мог быть вовсе и не он. Но если это он, то пусть Верочка поплачет, ей, видно, есть о чем плакать – то ли Елик не взял ее в домохозяйки (у него ведь уже есть одна), то ли еще что... Пусть поплачет и забудет.

У меня как-то резко заболела голова. Я подошла к окну. Хороший вид. Точнее, хороший вид здесь когда-то был. Огромный парк, за ним – прекрасная панорама Москвы. Но сейчас из окна тянуло тяжелым перегаром отработанного машинного масла и бензина, и по краям парка велась нескончаемая стройка. Рядом с недавно построенным домом, на котором еще висели плакаты о продаже квартир, рыли огромный котлован и висела привлекательная картинка, похоже, сорокаэтажного десятиподъездного небоскреба на фоне чистого голубого неба... Такого неба над Москвой уже нет, и не знаю, будет ли при моей жизни.

Виски все сжимало и сжимало. Я подумала, не попросить ли у Верочки кофе, как вдруг внезапно поняла: его же надо просто – сжечь! Облить забор коттеджа бензином, залить монтажной пеной замки у двух калиток в заборе и у гаражных ворот, и еще... Еще можно бросить горящую паклю прямо во двор. Дом с одной стороны стоит так близко к забору... Деревянный дом загорится быстро! Заполыхает быстрее, чем кто-то успеет сообразить, вызвать пожарную службу... Беременная жена со своим огромным пузом будет долго спускаться по длинной изогнутой лестнице со второго этажа... Не успеет она дойти вниз! Не успеет! И Елик будет метаться внутри горящего дома, смотреть, как языки пламени окружают его дом, кровавым фоном заслоняя привычный вид на сосновый лес и церковь Троицы...

Помолись, помолись, Елик, тебе не выбраться из этого дома, где ты так подло врал, так унижительно заставлял девочку, любящую тебя больше своих родителей, больше жизни, больше самой себя, изображать из себя проститутку! Ты будешь кричать от боли, как кричала она, когда ты сказал ей эти ужасные слова, за которыми нет ничего – пустота и бессмысленность... Все бессмысленно, когда возьмут твою душу грязными руками, покрутят туда-сюда, рассматривая и посмеиваясь, и бросят за ненадобностью, вместе с пустыми бутылками и очистками от колбасы, в мусорное ведро.

Ты именно так поступил, Елик! И ты должен теперь сгореть. Есть же какая-то справедливость в мире! Почему ты делаешь так больно и продолжаешь хорошо жить при этом, сытно

кушать, сладко спать, ненароком наступив на тонкую беспомощную шейку, так доверчиво прильнувшую к тебе, и не услышав, как хрустнула сзади и переломилась эта не нужная никому теперь жизнь...

А когда приедут пожарные, им останется только поливать обгорелый остов дома и кирпичные столбики забора. Помнишь, как ты первый раз привез ее сюда и сказал: «Вот, любовь моя, хочу, чтобы ты ходила здесь всю жизнь своими нежными ножками и радовала меня...»

Ничего не останется от тебя, ничего! И не родится у тебя сын, которого ты, оказывается, так ждешь! Зачем ты тогда возил сюда девочку, зачем мучил ее, если и не собирался разводиться с женой, зачем врал, зачем учил всяким гадостям, зачем, зачем...

Я с трудом очнулась от внезапно навалившейся на меня картины и резко обернулась к тихо сидящей сейчас на диване Верочке. Бледные губы ее были плотно сжаты, глаза смотрели в одну точку перед собой, и лишь тонкие ручки непрерывно перебирали что-то в воздухе, словно она пыталась, не глядя, разобрать какие-то перепутавшиеся нити...

Я подошла и села перед ней на корточки. Верочка равнодушно взглянула на меня и отвела глаза.

– Тебе сколько лет? Двадцать?

– Восемнадцать, – бесстрастно ответила Верочка и вдруг, набрав полную грудь воздуха и задрожав, разрыдалась. – Я не знала! Я ничего не знала! Он говорил... А на самом деле... И у меня ведь... Но я не буду... Нет! Он говорит, но я не... Как я скажу маме?!

Верочка захлебывалась от слез и говорила невнятно и путано. Но я все поняла. Сидя рядом с ней на корточках, я чувствовала в ней вторую жизнь. Чувствовала тепло, тяжесть и беспомощность этой новой маленькой жизни.

Я пересела на диван и обняла девочку.

– Не плачь, пожалуйста. Вот у меня нет детей. И мне очень плохо от этого. А у тебя будет. Зачем тебе еще какой-то дурацкий Елик? У тебя молодые мама с папой, они будут рады малышу, он для них будет как ребенок.

– Ты что? – Верочка аж задохнулась. – Им нельзя ничего говорить! Они даже не знают, что я с ним... что я не девушка...

– Конечно, – кивнула я. – Ты живешь одна, Елик снимает тебе квартиру просто так, и мама с папой ничего не знают. А даже если так? Узнают.

– Они меня заставят... – Верочка затряслась от слез.

– Не заставят, – покачала я головой. – Нет. И ты не сделаешь этого. Будет у тебя малыш. Прелестный, чудесный, похожий на тебя, будет тебя любить. Будет расти, удивлять тебя, радовать... Будет держаться за тебя ручками много-много лет... И забудешь ты Елика, как будто его не было. Уверю тебя.

– Откуда ты знаешь? – вскинулась Верочка.

Действительно, откуда я знаю? Я улыбнулась:

– И про пожары всякие забудь. Не наше это дело.

– Никто его тогда не накажет! Все несправедливо! Он так и будет жить! Всё сходит ему с рук, мне рассказывала домработница, у него до меня тоже одна девушка была, потом плакала ходила, а он ее выгонял...

– Все несправедливо, – кивнула я. – Так устроен мир. Но ты не наведешь в нем справедливости, тем более таким способом. Ты можешь спалить его дом, у тебя получится, я уверена. Но тебя посадят в тюрьму на пятнадцать лет, и твой малыш родится в тюрьме, у тебя его заберут, и он будет расти без тебя.

– Меня не поймают! – Верочка подняла на меня почти безумные глаза.

– Обязательно поймают. Хотя я верю, что ты все очень хорошо придумала. И, кстати, советую тебе все это записать. Получится интересный рассказ. Твой дядя с удовольствием при-

строит его напечатать – не у нас в журнале, так в другом месте. Ты сочинения хорошо в школе писала?

– Плохо, – вздохнула Верочка.

– Тем более. Получится оригинальный рассказ, не похожий на другие, не банальный.

– А... – Верочка хлюпнула носом, высморкалась в мокрую истерзанную салфетку и вдруг спросила: – А как его начать?

Я засмеялась:

– Да так и начни:

«Я подошла к забору, стараясь не попасть в свет фонаря, и достала плоскую канистру бензина. Резкий запах ударил мне в нос. Как странно все-таки пахнет бензин. Чем-то не существующим на земле и давно забытым... Капля бензина попала мне на сапоги. Когда я покупала сапожки, модные, похожие на маленькие тупые топорики с тусклыми медными пряжками в форме неправильных сердечек, я еще не знала, что скоро, очень скоро приду в этот дом совсем с другой целью...»

– Я запишу? – покорно спросила Верочка.

– Запиши, – кивнула я. – Только оденься сначала.

– А дальше там что будет? – Верочка все же встала и потянулась за розовым пушистым свитером, валявшимся на кресле.

– Дальше героиня подожжет дом и, когда он загорится, поймет, как ужасно она поступила.

– И спасет всех?

– Не думаю. Скорее, будет стоять и смотреть на пламя, поглощающее в себя все ее обиды, разочарования, беды...

– А потом?

– Потом – суп с котом! Сними-ка этот свитер!

– Почему? – Верочка погладила мягкую шерсть, нежно обтягивающую ее маленькую неразвитую грудку.

– Потому что тебе в нем себя жалко. У тебя есть что-нибудь... нет, не черное... желтое или красное? Раз уж тебе так хочется огня.

Верочка подошла к большому шкафу и распахнула его.

– Вот, мама мне купила модный комплект, но он мне не нравится, агрессивный очень.

– Для поджигателя как раз сойдет! – усмехнулась я. – Надевай, надевай, посмотрим...

Верочка надела белую блузку с утрированно длинными манжетами, темно-серую жилетку из плотной ткани и черные обтягивающие джинсы.

– Ну вот, другое дело! Скажи, уже не так себя жалко?

Верочка взглянула в зеркало и попыталась опять заплакать.

– Жалко... – проговорила она и вдруг улыбнулась сквозь слезы. – Вы как психотерапевт, да? Я смотрела в одном фильме...

– Да прямо! – отмахнулась я. – Психотерапевт... Я – как большая, умная подружка. Или старшая сестра. Все, времени нет. Пойди умойся.

– А краситься?

– Так сойдет! Опоздаем. Мне, знаешь, сколько надо сегодня еще успеть! А тебе, кстати, зачем краситься? Вводить в искушение других Еликов? Мальчикам твоего возраста ты и так понравишься.

Верочка вздернула носик, хотела мне что-то ответить, но засмотрелась на себя в зеркало и отвлеклась. Понравилась, видимо, себе в новом наряде. Вот и ладно. Понравиться себе – первый шаг в другую сторону от несчастной любви.

Глава 12

– Справилась? – Вячеслав Иванович, кажется, не сомневался, что я буду заниматься личной жизнью его племянницы. – У нее все в порядке?

– Почти. Вот стоит готовая, ждет редакционного задания. Я даю ей трубку.

– Давай! То есть... Нет! Лика, а ты... гм... У тебя сегодня что?

– У меня сегодня рабочий день, Вячеслав Иванович.

– Вот именно. Поэтому поезжай-ка ты с Верой к Селиванову, то есть Селиверстову, или как его там, в общем, к банкиру этому... Я хотел, чтобы она сама, но что-то теперь сомневаюсь. А с ним с таким трудом договорились об интервью...

– А банкиру есть что рассказать миру? Можно так и назвать, кстати. Со знаком вопроса.

– Борга! – тяжело вздохнул Вячеслав Иванович. – Ну что ты, как с другой планеты, честное слово! Да, людям интересно знать, как можно заработать очень большие деньги...

– Очень большие деньги практически нельзя заработать, их можно только украсть. У всех сразу. Или у кого-то лично. Вы же понимаете, я не буду писать того, чего нет.

– Да уж как не понимать, – опять вздохнул Вячеслав Иванович. – Поезжай, а? Колоритный, говорят, дядька. Судьба интересная. Из грязи в князи, как говорится... Покажи там Верочке, как да что, ладно? Ты же умеешь...

Вячеслав Иванович отключился, не дожидаясь моего «ладно». И действительно, как я скажу «нет», услышав про интересную судьбу?

Любая поездка по Москве в последнее время превращается в длинное, наполненное яркими эмоциональными впечатлениями путешествие. Например, как сократить дорогу, проехав сквозь тупиковый двор? Или, рискуя лишиться прав, по односторонней дороге в обратную сторону задом? Я уж не говорю про волнительную езду по встречке, по тротуару и в обгон машины ГИБДД, и так едущей с предельной скоростью... Можно, конечно, заменить это медленным, мучительным движением в пробке со скоростью пешехода, идущего из точки А в точку Б, – пять километров в час... Можно даже и не мучиться, а болтать по телефону, или слушать музыку, или болтовню моих товарищей на радио, или аудиокнижки. Но я, к примеру, не люблю, когда мне читают вслух. Отвлекаюсь на плохую дикцию, нелогичные ударения, выпренность тона...

Чаще всего в пробках меня охватывает ощущение неправильности и странности нашей сегодняшней жизни, и я ощущаю себя беспомощной частицей потока, оказавшейся не в том месте и не в то время. Я начинаю думать про всемирные катастрофы, про гибель древних цивилизаций, от которых не осталось ничего, и мы не только не знаем, отчего они погибли, но часто и не верим, что они были, про сегодняшнюю перенаселенность отдельных участков суши, про глобальное потепление, таяние льдов Антарктиды, про грядущие войны за перераспределение земель и их богатств. Мне становится плохо от этих мыслей. Поэтому я предпочитаю в пробки не попадать. А попав – пытаюсь припарковаться и добираться до места иным способом.

Вот и сейчас, потратив полчаса на шиномонтаж моей машины, пораненной озлобленным дядей Павликом, мы отъехали с Верочкой на два километра и встали в глухой пробке.

– Лика! – позвонил мне очень кстати Леня Маркелов. – Ну слушай, вчерашняя передача такой резонанс имеет. От тебя все просто тащатся!

– Лёня, говори по-русски, а то не приду больше... – Я взглянула на насупленную Верочку и не стала продолжать.

– Тебе самой от себя не противно? – засмеялся Маркелов. – Говорю, как говорю. Комплиментами, между прочим, говорю, старомодными и приличными. Ты просто не в курсе.

– Жест! – вздохнула я.

– Вот именно! Давай, приходи сегодня. Еще чему-нибудь научим.

– А тема какая?

– Тема? – хмыкнул Леня. – А, ну да. Тема... сейчас... Светка! Какая там у нас сегодня тема для болт... гм... для эфира? Чего-чего? Да нет, Борга придет, ей надо что-то поприличнее. Да, вот это давай. Темы две: «Надо ли разводиться с мужем, если он точно импотент». И вторая: «Лучше ли стало Москве от новых дорог» – Звенигородское шоссе, многострадальная Ярославка, Ленинградка, четвертое кольцо и так далее. Серьезней не бывает. Ты как, в теме?

– Абсолютно, – уверила я Леню. – Особенно насчет импотентов.

– Что-то очень личное?

Я засмеялась:

– Только наблюдения – как связано внешнее поведение мужчины, цвет его одежды, агрессивность одеколона, даже ненормативность лексики с мужской слабостью.

Леня крикнул:

– Да? Ну... Вот и поговорим.

– Знаешь, я была бы не против поговорить о чем-то более духовном. Тут две выставки концептуальные есть, нескучные, одна просто на грани фола. Или книжка новая Гауденича. Знаешь, да? «Как вывезет кривая». Читать тошно, но есть о чем подумать потом.

– Ага-ага... Здорово... Только давай это в следующий раз, ладно? Все, лапуса, целую-обнимаю, и ждем тебя с подписанным договором в пять нуль-нуль, ага? Эфир в восемнадцать ровно. Когда народ попрёт с работы.

Я взглянула на притихшую Верочку.

– Хочешь со мной опять на радио сходить?

– Сейчас? – спросила Верочка, явно думая о своём. Мыслей ее я не слышала, но догадаться было не трудно.

– Сейчас мы идем брать интервью у банкира, который давать интервью не любит, но сделал исключение для нашего журнала. Тебе интересно?

Верочка пожала плечами:

– Интересно.

– Понятно. А мне интересно. Во всех отношениях. Адрес, кстати, еще раз мне скажи...

Улица Василевского, а дом?

– Дом пять, квартира сто двенадцать... – покорно прочитала Верочка по бумажке.

– Подожди, почему квартира? Мы едем в банк, дай-ка сюда записку... А телефон есть?

– Не знаю.

Я быстро набрала телефон редакции.

– Вячеслав Иванович, можно уточнить адрес банкира?

– Просили, кстати, без опозданий, имей в виду! Так, адрес и телефон...

– А почему квартира-то?

– Не знаю. Как дали... Что? – Я услышала, как ему что-то подсказывает секретарь, как обычно, машинально слушавшая все разговоры шефа. – Вот говорят, он хотел в неформальной обстановке.

– Но рабочий день вообще-то, чудно как-то...

Все объяснилось очень просто. Подходя от метро к дому интересующего нас банкира, мы прошли как раз мимо банка с его же фамилией. «Сутягин-концепшн» – назывался этот банк. Мне хорошо была знакома фамилия. Мир тесен, Земля маленькая и круглая – если выйдешь из пункта А, то через двадцать лет обязательно в него же и придешь, со скоростью любознательного пешехода.

Когда-то человек с такой же фамилией занимал все мои мысли и чувства. Это было очень давно. Но с тех пор, как бесславно окончилась та история, мужчины, пожалуй, перестали меня

сильно занимать. Мне даже иногда казалось, что вся любовь, отпущенная мне на земле, ушла на одного человека и больше просто искать ее негде – ни в себе, ни вовне.

И дом я тот видела раньше, точнее, иногда проезжала мимо него. Один из первых домов, построенных в нашем округе для тех, кто сумел быстро встать над головами остальных соплеменников. Красивый голубой дом с интересным архитектурным решением, непременными башенками наверху, огромными эркерами, окнами до пола и прочими атрибутами некоей новой концепции жилья.

Дом – это не просто место, где в тесных шкафчиках хранятся твои сезонные вещи, где можно передохнуть после долгого рабочего дня и перекусить утром и вечером, в воскресенье полежать на старом диване или прибить отвалившуюся полочку, смахнув пыль с книжек и полированной ракушки, привезенной пятнадцать лет назад из Коктебеля...

Дом – это особый мир, просторный, уютный или впечатляющий – в зависимости от вкуса хозяина, новая реальность, которая творится по нужным тебе законам. Ты можешь сделать это сам, можешь пригласить дизайнера, чтобы спланировать пространство, освещение. Это ведь так важно, именно это создает ощущение простора, воздуха в доме или наоборот.

Судя по времени, на которое нам было назначено интервью, банкир ходит домой обедать – вот и в бескрайней, аморфно расплывшейся по бывшим холмам, перелескам, а также отстойным канавам Москве можно создать себе иллюзию тихой жизни благополучного средневекового бюргера. Пешочком до работы по малолюдной улице (движение в одну сторону, три «лежачих полицейских» напротив школы), пообедать дома, а после, за чашечкой кофе, рассказать миру о своих жизненных достижениях, ненароком показав и кусочек своей квартиры. Если человеку действительно очень хочется рассказать о себе, это понятное решение.

Ничто так не скажет о человеке, как место, где он каждый день надевает ботинки перед выходом на улицу, где он вечером пьет чай или пиво, смотрит на себя в зеркало... Довольно странно, конечно. Почему бы не встретить журналистов, которых он к тому же терпеть не может, у себя, но в деловой обстановке, на работе, в стильном дорогом кабинете? Правда, Вячеслав Иванович предупредил меня, что «дядька чудной». И надо быть готовой ко всяким сюрпризам.

Маленький, великолепно спланированный двор вокруг дома. Идеальная чистота дорожек. Настороженный охранник, видевший, как мы с Верочкой подошли пешком, а не подъехали на машине. Красивый подъезд, отполированный пол и стены, возможно, из натурального туфа или мрамора. Бесшумный скоростной лифт с легким запахом апельсина, с блестящими хромированными панелями, на которых никто не передавал никому привет, и музыкальным сопровождением прибытия на этаж. Здорово, разве нет? Каждый день прибывать на свой этаж под аккорды Вивальди. Кто бы отказался так жить? Сейчас узнаем рецепт благополучной жизни...

Дверь нам открыла аккуратно одетая женщина лет пятидесяти, по всей видимости, горничная.

– Алексей Егорович ждет вас.

Я слегка напряглась, услышав имя. Алексей... Да еще Егорович... Тот Сутягин, которого я слишком хорошо знала когда-то, тоже был Алексеем Егоровичем. Понятно, что это не он, тот деньги считать никогда не умел, тем более, что он уехал в Америку и там остался навсегда, но все равно совпадение очень уж тревожное. Просто так подобного не бывает.

Пока я думала, а не снять ли нам вопреки европейской моде, наверняка заведенной в этом доме, ботинки – уж слишком чистый и сверкающий пол расстился под нашими ногами, горничная с любезной улыбкой указала нам на деревянный ящичек у дверей с механическими щетками и влажной поверхностью встроенной губки, на которой можно вытереть подошвы.

Я взглянула на Верочку – она чуть покраснелась и с явным любопытством смотрела по сторонам. Да, смотреть было на что. С самого порога мы попали в очень хорошо спланированный, внешне просто прекрасный мир.

Теплый свет, льющийся из-под потолочных панелей, удачно подобранный переход цвета на стенах, темные деревянные рамы дверей, ненавязчивые и очень стильные предметы, украшающие огромный холл, – светильники из необычного стекла, картины, прозрачные напольные вазы... Начало впечатляющее. Кажется, банкир заранее знает, как мы, точнее я, должна писать о нем для миллионов читателей. Ведет меня по удобной для него дорожке.

В дверях в конце холла появился мужчина, и у меня стукнуло сердце. Этого еще не хватало...

Алексей Сутягин, которого я когда-то знала так близко и хорошо, как никого на свете, не торопясь подошел к нам и улыбнулся:

– Пресса приятна и мила... и крайне пунктуальна...

Он переводил глаза с Верочки на меня. На мне чуть задержал взгляд, удивленно шевельнул бровью... и не более того. Не узнал, скорей всего.

Я очень изменилась. Коротко стригусь, практически не крашусь, стала носить узкие разноцветные очки, больше для декоративности и уверенности за рулем. Думаю, очки меняют сильнее всего, – и глаза скрывают, и изменяют общий облик человека. Не случайно же в фильмах, чтобы сделать привычно неотразимого актера еще и трогательным, и вызывающим доверие, ему надевают очки. Не знаю, насколько трогательной я стала в очках – думаю, что вряд ли, – но с тех пор как я время от времени их надеваю, многие прежние знакомые с ходу меня узнавать перестали.

Мы сели напротив Сутягина на пружинящий кожаный диван. Светлая нежная кожа дивана так и манила положить на нее руку, ощутить мягкую, чуть охлаждающую поверхность...

– Вам удалось добиться внешнего благополучия. Довольны ли вы своей судьбой на самом деле? – прочитала Верочка первый вопрос из тех, что я ей подсунула.

– Вполне, – опять улыбнулся Алексей Егорович, глядя при этом на меня. – А вы?

– Я? – Верочка тоже посмотрела на меня.

– Мы довольны, что можем взять у вас интервью в неформальной обстановке, – ответила я за Верочку и слегка подтолкнула ее локтем, чтобы та читала вопросы дальше.

Верочка, как прилежная школьница, выпрямила спинку, взяла в руки блокнотик и прочитала мой второй вопрос:

– Приятно ли вам осознавать, что вы живете лучше, чем подавляющее большинство людей в стране?

– Дальше, – кивнул Алексей Егорович.

Верочка вопросительно взглянула на меня, слегка покраснев. Я пожала плечами. А он хотел, чтобы мы спрашивали, как он относится к нанотехнологиям и концептуальной живописи, что ли? Спросим, если хочет. Я показала Верочке на один из последних вопросов.

– Как вы считаете, современное искусство отражает конец нашей цивилизации или, наоборот, ее переход на некий новый уровень, язык которого... – Верочка потеряла мысль и встревоженно взглянула на меня. Я кивнула: «Читай, читай. Всё в порядке!» Она тоже кивнула и продолжила: – ...был бы... был бы непонятен людям, жившим, скажем, пятьсот или тысячу лет назад?

– Мне кажется, они бы так же недоумевали, глядя на некоторые картины или скульптуры, как и я, – ответил Алексей Егорович не очень любезно.

Удивительно, как многие известные или просто успешные люди знают, о чем их должны спросить, а о чем – не должны. Считают, что на это право они тоже заработали? Говорить только о том, что лично им интересно и выгодно... Впрочем, возможно, так оно и есть.

– Так что же вы хотели бы сказать нашим читателям? – как можно спокойнее спросила я, чувствуя, что мое волнение, появившееся при виде Алексея Сутягина, ничуть не улеглось, а наоборот, стало усиливаться.

Именно так он действовал на меня когда-то давно, в другой жизни. Я могла сердиться на него, обижаться, могла пытаться забыть и встречаться с кем-то другим, но, лишь завидев его, услышав его голос, я как будто попадала в некое поле, удивительно хорошее и приятное, как в невидимую, но мощную ловушку.

Мы поговорили еще. Алексей Егорович предложил нам кофе, провел по квартире, показал красивую гостиную с видом на север Москвы – не лучший вид, прямо скажем. Показал большую библиотеку с дорогой мебелью, свой кабинет в классическом английском стиле. Я сделала несколько фотографий Алексея Егоровича на фоне библиотеки и собрания статуэток.

Что-то он хотел сказать нам, показывая, как хорошо дизайнер продумал интерьеры его дома, и как дорого сам он заплатил за всё это.

За чашкой кофе мы попытались продолжить разговор. Верочка взяла листочек, Алексей Егорович, не скрывая улыбки, посмотрел на меня:

– Вы не знаете, о чем говорить? Вам дали вопросы?

– Да, именно так. Нас просили узнать, как же вы заработали так много денег? Чем вы занимались? Вы же никогда не любили считать деньги.

– Я их и не считал. Я их продавал. – Алексей Егорович тонко улыбнулся и откинулся на высокую спинку шелкового кресла. – И, собственно, продаю сейчас. Очень нужный бизнес.

Он, конечно, постарел. Так же импозантен, ему даже идет возраст. Но стал чуть обвисать подбородок... Наверно, временами поправляется, потом сгоняет лишние килограммы. Дети... Что-то в доме не заметно следов детей. Надо спросить.

– У вас есть дети? – спросила Верочка, когда я незаметно показала ей на один из многих пропущенных вопросов.

– Дети... – Алексей Егорович потянулся. – Да, я очень люблю детей. Вот Лика, которая прийти-то пришла, но все больше помалкивает сегодня, об этом хорошо знает. Правда, Лика?

Первый раз он посмотрел мне прямо в глаза. Или я первый раз их не отвела. Да, я, конечно, об этом знаю. Мы и расстались когда-то после того, как он узнал, что детей, по крайней мере своих, у меня никогда не будет.

Верочка ничему не удивлялась. Чудесное свойство. Интересно, в какой профессии оно могло бы стодиться? Удивлялась – я, самой себе. Как я могла так опрометчиво, не узнав толком, что за человек, к которому мы идем на интервью, отправиться к нему домой... Обычно я тщательно готовлюсь к интервью, а тут, не рассчитывая ни на что интересное, решила схалтурить и положиться на свой большой и разнообразный опыт – с кем мне только не приходилось беседовать! Что уж тут разузнавать про какого-то банкира, заведомо не слишком мне интересного!

– У меня три дочери, – продолжал тем временем Алексей Егорович, как мне показалось, радуясь моему замешательству. – И все от разных жен. Со всеми дочерьми у меня прекрасные отношения, как, впрочем, и с женами. Сейчас моя третья жена ждёт еще ребенка, очень надеюсь, что это будет мальчик.

– А если будет девочка, вы будете ее любить? – спросила вдруг Верочка тихим голосом.

– Буду, – ответил Алексей Егорович и поднялся с кресла. – Вы простите меня, милые дамы, мне нужно на службу. Мой секретарь пошлет вам, Лика, или вам, – он слегка кивнул Верочке, – простите, не понял, как вас зовут, статью, которую я хотел бы видеть о себе в вашем журнале. А сейчас – всего доброго!

Появившаяся тут же горничная проводила нас до дверей и даже подала одежду. Мне, воспитанной в советское время, всегда неудобно, когда один человек прислуживает другому. Думаю, я не привыкну к этому уже никогда. Но Верочка, кажется, была всем довольна и даже не очень поняла, что разговора у нас с Алексеем Егоровичем не получилось.

Интересно, удивится ли он, если я напишу то, о чем он думал, пока мы пили кофе, переговариваясь на совершенно необязательные темы? Как он четко вспомнил один случай из нашей с ним интимной жизни, когда он повел себя очень неловко, и как было стыдно мне, и как потом переживал он? И что после этого эпизода он вспомнил еще один, тоже очень отчетливо, с незнакомой мне женщиной, возможно, это была одна из его жен... И тоже очень неловкий момент...

Да, не получилось интервью. Быть может, если бы Верочка пришла одна, даже с теми же вопросами, составленными мной, они скорее бы нашли общий язык. А так... Думаю, со стороны мы были очень похожи на побирушек, которым предложили тарелочку с угощением, да поставили ее слишком высоко. Мы попрыгали-попрыгали, пытаясь дотянуться до тарелочки, и несолоно хлебавши отчалили. Думаю, именно так показалось Сутягину, упивающемуся собой и своими победами в этом мире, ненадежном и переменчивом.

Глава 13

Дома вечером я открыла электронную почту. Мне так хотелось ответить на чье-то письмо, на обычные слова «Как ты?».

Как я? Нормально. То есть, если честно, я как-то не очень. Может быть, даже совсем не очень после встречи с Алексеем Сутягиным. Но я бы написала, что я вполне нормально... Только никто меня не спрашивал, как я. За весь день ни один человек не спросил, как я.

О чем только не спрашивали, особенно на радио. О том, почему раньше любительская колбаса не была такой жирной, как сегодня. О том, почему одним делают концерты в Кремлевском дворце, а другим не делают, и вообще, откуда у людей такие деньги. О том, как просыпаться рано, если просыпаться рано невозможно – природа протестует, организм не хочет ни есть, ни пить, ни разговаривать, он спит и ему плохо. И я старательно отшучивалась, пытаясь избегать общих мест и банальностей, а также не грузить дорогих радиослушателей и не слишком уж лукавить. Поговорили обо всем. Даже я не поняла, какова же была тема нашего эфира. Только вот как я – не спросил никто.

А как я? Бывают такие моменты – после встреч с одноклассниками, или в день рождения, или, у меня лично, в преддверии Нового года, когда вдруг вся твоя жизнь проносится перед глазами, причем за вычетом всего того хорошего, что наверняка в ней было.

Вот и сегодня вечером, после неожиданной встречи с прошлым, вся моя жизнь как будто развернулась передо мной. Пишу я статьи. И что? Что меняется к лучшему в этом мире от моих слов? Пишу честно? И что? Тем более, «честно» в нашем жанре – очень приблизительное понятие. Если писать честно об успешных людях, об их пути к успеху, компромиссах с совестью и с близкими, об их унижениях, провалах, всемогущих покровителях – мир взорвется. Не будет почти ни одного кумира с простой симпатичной улыбкой, вырабатывавшейся годами, с честным добрым взглядом, с приятной, обаятельной и очень понятной историей. «Veni, vidi, vici» – «пришел, увидел, победил». Точнее, его увидели и сразу полюбили. И не было годов бедности, и не было мучительного ожидания чуда и успеха, и не было того дня, когда нужно было выбирать...

Почему людей так тянет читать о знаменитостях, даже о тех, кого не любят? Интересен прыжок наверх, сам процесс этого прыжка – кто и как помог, кто мешал? Интересна звезда без маски – хотя мне, если честно, кажется, что для того чтобы оправдать ожидания читателей, под маской должна оказаться другая маска – ни в коем случае не простое, уставшее, обыкновенное лицо самой заурядной личности.

А вот теперь я еще веду передачи на радио. Тоже пытаюсь быть честной, изо всех сил. А в глубине души давно уже знаю – всем нужны вовсе не «честные» слова, а шутки, каламбуры, веселье... Человеку хочется неожиданно засмеяться и почувствовать легкость бытия и необязательность всего своего бремени, которое он тащит и тащит, пока не прервется в один день дыхание...

Да что со мной такое? Я услышала, что у Алексея теперь трое детей, хоть и в разных местах, и будет еще четвертый, и сменилось еще две жены? А у меня как никого не было, так и нет. Ни мужа, ни детей... Была строманта, которую я привыкла считать живым существом в моем доме и совершенно напрасно. Не понимала моих слов строманта, а я разговаривала с ней, как с живой.

Интересно, разрешат ли мне взять на воспитание ребенка, если я найду такого малыша? Дают ли теперь приемных детей одиноким обеспеченным женщинам? Раньше одиноким не давали, когда еще обеспеченных не было, я сама об этом писала. Если теперь дают, то это, наверно, гуманно. Хотя может ли ребенок скрасить одиночество? Не знаю, не пробовала. Могу только рассуждать со стороны. Мне кажется, он сам будет одиноким рядом с не очень

счастливой мамой. Мама будет плакать в Новый год оттого, что нечего загадать, когда бьют куранты, оттого, что не верится больше в чудеса, оттого, что растущий рядом человек приносит больше горестей, чем радости.

Как просто и жестоко устроен мир. Много ли надо, чтобы почувствовать себя счастливой? Не может принести счастья ни работа, пусть даже успешная, ни деньги – на что мне их тратить? Если в доме холодно и пусто... Пусто и холодно...

Почему-то мне совсем не хочется брать собаку, совсем. И кошку не хочется. Я не хочу признаваться самой себе: вот у других есть мужья и дети, а у меня собака с кошкой, другого не получилось. Пусть лучше у меня не будет ничего.

Я легла спать совершенно истерзанной собственными мыслями и, уже засыпая, как будто слышала: «Просто надо отвернуться от самой себя. Найди того, кому нужна твоя помощь, и помощи. Сразу станет легче. Разорвутся прочные и мучительные путы одиночества». Я зажгла свет и села на кровати. Кому в половине двенадцатого ночи может понадобиться моя помощь?

Мне самой нужна помощь. Мне плохо, мне одиноко. Мне вдруг показалась бессмысленной вся жизнь. Как же я помогу другим? Поделюсь с ними своим одиночеством и пустотой и вопреки всем физическим законам из ничего получится что-то? Нет. Я в это не верю.

Вот как на меня повлиял Алеша Сутягин – гладкий, сытый, довольный жизнью, живущий в прекрасной, просто великолепной квартире. Не знаю, какая теперь у него жена, но наверняка красивая и милая. Как все удачно и хорошо. Мог ли он поступить по-другому, узнав – от меня лично, – что у меня никогда не будет детей? Нет, наверно. Ведь у него тоже одна жизнь. У него к тому времени уже был ребенок. Он расстался с первой женой то ли из-за меня – так думали все, то ли из-за того, что ему надоело жить, мирясь с условностями семьи, захотелось свободы – так казалось мне.

Я тогда чуть не умерла – не хотела ни есть, ни пить, ни дышать без него. Но потом, со временем, боль сначала притупилась, а потом забылась вовсе. Так что теперь, глядя на Верочку, я даже думаю – хорошо, что я так не любила. А как же любила я, если, расставшись с Алешей, две недели вообще не выходила на улицу, ничего не ела, не поднимала трубку, не открывала дверь маме с отчимом и отцу, которого по такому поводу мама вызвала на помощь. Не ходила на свою работу в школу. Меня после этого выгнали из школы, потому что я прогуляла две рабочих недели без уважительной причины, да и еще многие думали, что у меня запой – кто-то видел меня стоящей у окна с безумным взглядом и красным, опухшим от слез лицом...

Но я все это забыла. Я стала ироничная, сильная, самодостаточная. Я не люблю мужчин, они мне все кажутся тупыми, самодовольными, ограниченными существами, от большинства из них плохо пахнет, они живут скотскими инстинктами... И они не любят меня. Говорят изредка комплименты и не любят. Даже поглядывают заинтересованными, «мужскими» глазами, если я вдруг добавляю что-то женское к своей обычной спартанской одежде. Но не любят. И ведь я живу, совершенно не страдая без этого. Жила...

Неужели... Неужели же мне, как обычной женщине, нужно мужское внимание? Неужели эта случайная встреча показала мне, что я... я – одинока? И никому не нужна? Что я некрасива, неухожена, неинтересна? Во мне есть только оригинальный ум, за него меня держат и ценят на работе, а как человек, как женщина я никому нисколько не нужна?

Ну и что? Что? Разве я этого раньше не знала? Нет. Пока не увидела ироничный, равнодушный взгляд Сутягина вчера – не знала. Не думала об этом. Пока не слышала его мысли – о том жалком эпизоде наших отношений, когда я не смогла выполнить его желания, не сумела, не решилась... Я никогда и никому не рассказывала об этом. Но сама часто думала – а не это ли было причиной нашего разрыва – моя старозаветность, несмелость в интимных вопросах? А вовсе не то, что я не могу родить ребенка...

Почему он вспомнил именно об этом сегодня? Разве больше не о чем было вспомнить?

И почему мне так больно? Чья это боль? Может, я слышу через стенку чьи-то мысли? Кто там живет? Я ведь еще не познакомилась толком с соседями... У меня самой давно ничего не болит, я прекрасно живу и всем довольна в жизни. Я встала и подошла к зеркалу. У меня – НЕ БОЛИТ НИЧЕГО! И уже не заболит. Благодаря Алексею Сутягину я получила прививку от безумной любви, больше ею не заболею и уж плакать об ушедшей к нему любви точно не буду.

Надо же, прочно женат на сей раз... И по-прежнему хорош, легок в общении, удачлив в жизни – ему всегда везло и все давалось без труда – и наверняка так же, как раньше, притягателен для женщин. Я видела, что даже Верочка, потрясенная своими событиями с Еликом, повеселела от общения с Сутягиным.

Я заставила себя выключить в голове собрание своих собственных мыслей. Мысли, звучавшие на разные голоса, перебивавшие друг друга, терявшиеся, мешавшие одна другой, с трудом улеглись и успокоились.

Нет, нет и еще раз нет! У меня одна, очень короткая жизнь. Половина уже точно пройдена, по крайней мере, бодрой и активной жизни. Вряд ли в восемьдесят лет я буду бегать с диктофоном и камерой и с живым интересом спрашивать других людей, довольны ли они своей судьбой.

Не стану я искать новых встреч с Сутягиным – а ведь именно такая предательская мысль заползла мне сегодня в голову, когда мы спускались с Верочкой в лифте. Я вдруг подумала – не сделать ли мне с ним еще раз интервью, потому что сейчас не получилось, и не написать ли о нем по-настоящему хорошую статью, наверняка найдется у него в жизни много интересного. Ведь шеф говорил о каком-то экстремальном увлечении Сутягина... Нет! Не написать!

И я не буду размышлять о своем одиночестве!

Я не одинока. Я просто живу одна. Одиночество – это состояние души. А не отсутствие рядом другого человека.

Иначе бы мамочки, имеющие маленьких беспомощных деток, не выбрасывались в канун Нового года в окошко. Я как раз писала об одной такой мамочке, не выдержавшей своего одиночества, замученной одиноким материнством и болезнями своей дочки, капризной от постоянного недомогания. «Ты запомнишь этот Новый год на всю жизнь!» – сказала та мамочка своей дочке, которой еле-еле исполнилось восемь лет, и выпрыгнула в окошко с шестого этажа. А меня в связи с этой историей просили написать умную статью об одиноких матерях. А что тут напишешь? Разводы разрешены, никто не осуждает. Вместе в горе и тяготах и просто в ежедневной рутине никто жить не хочет. Кто может развестись, кому есть куда уехать и на что жить без второго супруга – разводятся. А любовь проходила и у наших прадедушек и прабабушек, которым развестись мешали законы. И они жили чем-то другим, находили – чем, не искали вновь и вновь горячей страстной любви в тридцать пять, в сорок пять, в пятьдесят пять лет...

Одинокой ведь можно быть и замужем, и в большой семье. Много одиноких детей и подростков, родители которых видят их реже, чем своих коллег по работе. Много одиноких стариков, к которым не приезжают дети, даже живущие в одном городе...

А я – не одинока. Только я не люблю праздники. В праздники мне иногда кажется, что я живу не свою жизнь. Моя же идет где-то в другом месте. Я даже часто вижу одну и ту же комнату – просторную, необычной формы, с зеркальным шкафом и нишей, и себя – в длинном шелковом синем платье. Я никогда не была в той комнате и той жизни. Там у меня большая семья, там много, может быть, слишком много народа, голосов, шума, бегают дети. И я там – совсем другая. Я слышу собственный смех, вижу свои отросшие, сильно накрученные волосы – я никогда не носила такой прически в стиле английской королевы...

И тогда мне становится больно – ведь мне никак не попасть в ту жизнь. Я не знаю туда дороги. Мне уже не найти ее – нет времени. Даже если бы я могла, я бы уже не родила, скажем, четверых детей. Я не знаю, как туда попасть. Но там я – настоящая, а здесь – уж как получилось.

Потом проходят праздники, я мчусь с диктофоном и фотоаппаратом на интересное задание, пишу статью, и все праздничные унылые ощущения проходят. С некоторых пор я предпочитаю брать задания на праздники, чтобы не ехать в пустую квартиру, невольно смотря на чужие окна и представляя, как там весело илюдно.

В праздники можно наблюдать за тем, как другие люди проводят праздники. Это тоже очень интересно.

– Ли́ка?

Не сразу понимая, кто звонит мне среди ночи, я взглянула на часы на телефоне. Да нет, всего лишь половина первого, время детское, просто я что-то уснула рано сегодня.

– Это я, привет.

Он мог бы не продолжать. Не мозг, не память, нет, – душа и все мое существо встрепенулось на давно забытую интонацию этого голоса. «Это я», – сказал человек, совершенно уверенный, что ему не надо представляться по имени.

– Мне в редакции дали телефон. Как ты живешь? Ты ведь ничего о себе не рассказала...

– Тебе интересно, как я живу?

– Интересно, конечно.

Я села на кровати, потом встала на холодный пол и подошла к окну, в котором был виден ночной город. Я смотрела на ровный поток машин по новому мосту. Даже ночью столько машин... Красные и белые огни, как сверкающая огнями фантастическая река с течением в обе стороны...

– Да-да, я слушаю. – От ощущения холода под ногами или еще от чего-то мне стало зябко и как-то не по себе.

– Ли́ка... Что ж ты так строго со мной? Я был рад тебя видеть. Ты совсем пропала из виду. Да, мне интересно, как у тебя сложилась жизнь. Ты замужем? У тебя есть дети? То есть я хотел сказать... – замялся мой неожиданный собеседник.

– Я хорошо живу, у меня прекрасная работа, я купила новую квартиру с очень красивым видом. Детей у меня нет. Извини, Алексей, мне завтра рано вставать, – я быстро положила трубку, не дожидаясь его ответа, и перевела дух.

Нет, вот этого точно не надо! «Пустые хлопоты» – так, кажется, называются подобные переживания в карточном гадании. Не возвращайся в прошлое, в котором было очень больно. Будут болеть даже те зубы, которых уже давно нет.

Хотя... Не я ли сегодня в задумчивости стояла перед витриной с красиво одетым манекеном, представляя, что мне очень пойдет такая одежда – короткое платье в стиле «татьянка» с плотными обтягивающими брючками... Если от встречи с Сутягиным во мне проснется давно уснувшая женщина – разве это плохо? А разве хорошо? И что она будет делать, эта проснувшаяся женщина? Страдать в отсутствие Сутягина? Или писать о брошенных девушках со всей страстью неразделенной любви? Нет уж. Журналистскому перу нужна точность, ирония и изящество, а не задыхающаяся страсть.

А вдруг ему нужна моя помощь? Я же не знаю обстоятельств его жизни... Я отмахнулась от этой мысли, чужой и предательской. Как будто какая-то часть меня самой решила предать свою суть. Какая помощь? Какие обстоятельства?! Человек третий раз женат, ждет четвертого ребенка, владеет преуспевающим банком, живет в элитном доме вместе с замминистрами и другими персонами из самого верхнего эшелона власти...

Какая помощь! Ложись спать, дорогая Ли́ка. И подумай лучше, как распорядиться собственным необыкновенным даром, – может, поискать себе подобных или поехать, скажем, на Тибет, в Индию, на Шри-Ланку, поговорить там с мудрецами... Куда угодно – только не барахтаться беспомощно в лужице соплей, былых переживаний и жалости к себе.

Алеша оказался настойчив. Он и раньше всегда настаивал на своем, чего бы ему это ни стоило.

– Мне нужна твоя помощь, – заявил он, позвонив мне в тот же день вечером, таким тоном, что отказаться было бы странно и нехорошо.

– Я слушаю тебя.

– Давай не по телефону. Встретимся завтра в пять. Пойдет?

Я даже не могла сообразить, что у меня завтра в пять, как он уже побыстрее попрощался, чтобы я не сказала «нет».

Я подумывала – а не взять ли мне с собой Верочку? И ей развлечение, и мне какое-никакое отвлечение от Сутягина... Но дозвониться ей не смогла. Она, видимо, опять не поднимала трубку или ходила с Еликом по магазинам и ресторанам, смотрела, как живут домохозяйки.

Мысль о Верочке не давала мне покоя, слишком уж молода и глупа она оказалась. И еще мне не давал покоя ребенок, который, невзирая на все обстоятельства Верочкиной жизни, тихонько рос себе в ее животе. Какое это, наверно, удивительное чувство! Генная память бабушек и прабабушек подсказывала мне, что ничего важнее и прекраснее для женщины быть просто не может.

Я остановила себя. Не стоит поощрять собственные размышления в эту сторону. Это лукавство природы, вот и все. Какие только механизмы не задействованы, чтобы жизнь на Земле продолжалась! А я вот напрямую не могу в этом участвовать. И что же мне теперь – думать, что как раз самого прекрасного я лишена, и страдать от этого?

Думать – да. Страдать – нет. Пытаться не думать совсем – не получается. Так или иначе обстоятельства и люди возвращают меня к этой мысли. Я к ней привыкла. Но поскольку это – уродство, как слепота, глухота, хромота и всякое разное другое, то заложенное в нас вечное и вездесущее стремление к гармонии протестует. Я нарушаю гармонию мироздания тем, что не участвую в продлении жизни. Так может, мне поучаствовать в нем как-то по-другому?

Глава 14

Хорошо, что на субботу и первую половину воскресенья у меня оказалось так много дел и встреч, что я не могла сосредоточиться на будущей встрече с Алексеем Сутягиным.

Неделя как-то незаметно подошла к концу. Я уже привыкла намечать на выходные то, что не успела сделать за обычные пять «рабочих» дней. На спектакль и выставку можно сходить среди недели, а вот классические выходные у меня должны быть забиты делами до отказа, чтобы не оказаться наедине с собой в пустой, только что обставленной новыми, еще совсем чужими вещами квартире. С друзьями встречаться мне становится все труднее. Иногда я ощущаю себя слепоглухонемой в компании зрячих, весело болтающих людей. Я не могу толком поддержать разговор ни о хамстве и жадности мужей, даже бывших, ни о хамстве и болезнях деток, ни о классических перипетиях со свекровями, сестрами мужей и прочем, подчас заполняющем жизнь семейных людей до отказа.

– Ты прекрасно выглядишь, – с ходу сказал Алексей, и я ощутила приятную волну тепла и еще чего-то забытого и очень хорошего.

После этих слов он еще по-дружески поцеловал меня в щеку и потрепал по плечу. Просто встреча школьных друзей!

– Я слушаю тебя, – сказала я как можно суше, напоминая себе, что для меня эта встреча грозит как минимум последующей депрессией. Я и так с утра до вечера, с тех пор как случайно увиделась с ним, думаю о своей несостоятельности и вообще нахожусь в совершенно непривычном для себя состоянии подавленности. – Ты хотел о чем-то попросить меня.

– А, да! – легко сказал Сутягин и поманил рукой официанта. – Два двойных эспрессо. Ты кроме кофе что-нибудь будешь? – запоздало обратился он ко мне.

– Нет.

Я отвыкла от его манеры решать всё за всех. А если я, к примеру, не обедала? А я ведь и на самом деле не обедала. Хотя сейчас бы мне кусок в горло не полез.

Я постаралась сосредоточиться на красивой густой пенке кофе, который подали в узких высоких чашечках. В них кофе долго остается горячим, но пить было ужасно неудобно, как из мензурок.

– Тут такая ситуация... – Сутягин тем временем начал говорить о том, ради чего, видимо, попросил меня о встрече. – Мне надо одного человечка... не то чтобы закопать, но в общем... Очень неприятный человек. Можешь написать о нем?

Я пожала плечами.

– Я не пишу дискредитирующих материалов. У меня совершенно другая направленность. Раз. Я практически не пишу заказных материалов. Два.

– Да ладно! А машина откуда у тебя такая? На зарплату журналиста купила?

Я посмотрела на Алексея. Он изменился? Или был таким, да я не замечала?

– Ты изменился, – ответила я. – Или я просто не замечала, какой ты.

Он не очень искренне засмеялся:

– Ну ладно, ладно! Ты честная, хорошая журналистка. Тем более. Приятно будет получить от тебя помощь.

Ты стала серенькая... Одета ярко, как подросток, а сама серенькая... Тонкие губки, ненакрашенные, бледные... Нос уточкой... шейка из свитера торчит... Эти очки дурацкие, оправы зеленая – зачем? Ты и так вся бесполовая, неинтересная, никакая... Но в этом даже что-то есть... вызов сидящему перед тобой мужчине... вроде – захоти меня такой, какая я есть... Так, что ли? Или ты совсем об этом не думаешь? Или я настолько тебе неприятен, что ты хочешь меня

задеть, – вот, смотри, ты для меня не мужчина, я не сделаю ни шажочка, чтобы понравиться тебе... Такая самоуверенная маленькая мышка... независимая, надо же...

Я удивленно посмотрела на Сутягина. Какие же глупости в голове у этого с виду благополучного и совершенно уверенного в себе самца! Да, человек, которого я когда-то очень любила, – самонадеянный и нагловатый самец, этого у него не отнимешь. С возрастом даже прибавилось. Но не до такой же степени. Пригласил меня вроде как на деловую встречу, а сам...

Увидев что-то у меня в глазах, он пересел ко мне поближе. Удостовериться? Или его подсознательно тянуло ко мне так же, как когда-то, – в каком бы виде я ни была? Я не успела ничего этого подумать, потому что он, закрыв меня от остальных посетителей, наклонился совсем близко к моему лицу. Я увидела морщинки у него под глазами, чуть разные ноздри, раньше я знала их рисунок наизусть, могла нарисовать с закрытыми глазами, небольшие, суховатые губы... Он поцеловал меня очень осторожно, медленно, не сомневаясь, что я не отстранюсь. Картинка, которую он при этом представил, так меня потрясла, что я и не отстранилась, и не сопротивлялась. Тем более что поцелуй Сутягина был мне скорее приятен. Или очень приятен. Меня никто не целовал лет шесть, или семь, или восемь... Сколько прошло с тех пор, как мы расстались с Сутягиным? Однажды в командировке я провела ночь со своим коллегой, журналистом Мишей, но Миша меня не целовал, и я его тоже – ни до, ни после, ни во время бурной и бессмысленной ночи.

– То, о чем ты думаешь, – совершенно невозможно, – тихо проговорила я, находясь так близко от его лица, что, мне показалось, звук моего голоса совсем пропал в его губах.

Он улыбнулся, снял мои очки и еще раз поцеловал меня. Может, так и надо общаться с приятными тебе людьми противоположного пола?

Серенькая – не серенькая, но приятная и чем-то притягательная... Так вся вострепелась и замерла... И, кажется, рада... И уж точно рада будет мне помочь...

Вот и что из этого я правда услышала, а что – мои домыслы? Сердце стучит, в голове горячо и сумбурно – до чужих ли мне мыслей? Может, это все думаю я, а вовсе не Сутягин?

Он погладил меня по щеке и снова пересел на стул напротив.

– У меня не очень много времени, но мы можем продолжить разговор, например, завтра, – сказал он как ни в чем не бывало, но несколько другим тоном. – Поконкретнее договоримся...

Он был вполне доволен и похож сейчас на мальчика, нашедшего свою старую любимую игрушку. Может, она ему сейчас и неинтересна, но подержать в руках, потрогать, убедиться, что она по-прежнему – его игрушка, нужно непременно. Вспомнить, как она открывалась, разбиралась... А собирать обратно вовсе и не обязательно.

Я все же слышала его мысли. Или, может быть, только часть их. Трудно было поверить, что в голове у серьезного вроде человека такая ерунда... Но прошло несколько мгновений, и теперь меня больше занимало другое.

– Ты давно был у врача? – спросила я как можно аккуратнее.

– В смысле? – несколько напряженно засмеялся Сутягин. – У какого именно?

– Алеша... – Теперь уже я смотрела на него не отрываясь, чтобы убедиться, что то, что я сейчас внезапно почувствовала, имеет отношение к нему, а не ко мне самой. Слишком неожиданные слова мне нужно ему сказать. – Алеша, сходи, пожалуйста, срочно к врачу, если ты еще не был. К хирургу. Сделай рентген и УЗИ... вот здесь... – Я показала у него на животе то место, на котором сейчас было против моей воли сосредоточено все мое внимание.

– Ты что, Лика? – Сутягин недовольно отвел мою руку. – Что за шутки у тебя? Я нормально себя чувствую... С чего ты взяла? Да что за ерунда?

– Можно, я не буду объяснять? Сходи прямо сегодня или завтра, пожалуйста. Оставь все дела. А то может быть поздно.

– Поздно – что?

– Алеша... Я не знаю, как тебе объяснить. Просто я чувствую, что у тебя есть серьезная проблема со здоровьем, понимаешь? Слишком серьезная...

– Слушай, ты совсем, что ли, свихнулась с годами? И раньше-то была... – Алексей встал, бросил на стол пятисотрублевую бумажку, махнул официанту и быстро вышел из зала, ни разу не оглянувшись на меня.

Я решила дать ему спокойно уехать, а сама на скорую руку пообедать. Почему-то я была уверена, что Сутягин обязательно пойдет к врачу. В крайнем случае, позвоню ему, еще раз попрошу... То тяжелое, мутное, постороннее, которое я отчетливо почувствовала у него в теле, мешало мне и в первый раз с ним разговаривать. Мне даже физически нехорошо стало во время разговора. Только я отнесла это на счет своих прежних романтических переживаний. Но сейчас, сидя рядом с ним, совсем близко, когда он решил потрогать руками свою старую игрушку, я ощутила что-то страшное внутри него, то, чего не должно быть у здорового человека.

Может, позвонить его жене? Представиться экстрасенсом... Женщины охотнее верят в подобные вещи. Правда, она же беременная, разволнуется. Но еще хуже она разволнуется, если муж вовремя не сделает операцию... Если, конечно, сейчас еще не поздно. Хотя выглядит Сутягин хорошо и говорит, что нормально себя чувствует, значит, надежда еще есть.

Домашний телефон его у меня остался после интервью, и я решила тут же позвонить его жене, которую в прошлый раз так и не увидела. Жены дома не оказалось. Трубку взяла горничная. Я, несколько поколебавшись, попросила ее оставить записку жене Сутягина с просьбой срочно позвонить мне.

Но вечером вместо жены позвонил Алексей, разъяренный и не желающий скрывать своей ярости.

– Ты что это, а? Что ты решила? Таким путем все вернуть? Ты что о себе вообразила? Это невозможно! Ты что, не понимаешь, что у меня теперь своя жизнь...

Я дала возможность сказать ему все, что он хотел сказать, и после этого попыталась объяснить:

– Алеша, я звонила твоей жене из-за врача. Тебе срочно нужно пойти к врачу. У тебя... В общем, не затягивай, пожалуйста. Иногда важны даже два-три дня.

– Да ты чокнутая! Ты что себе позволяешь? Какой я идиот, что решил с тобой встретиться! Ты что себе вообразила, ты мне нужна, что ли? Да я... Да я просто...

– Алеша, ты говоришь лишнее. Сходи к врачу. Все, пока!

Через некоторое время он попытался перезвонить мне, но я не стала отвечать, решив, что ничего важного он мне не скажет, а я уже сказала и сделала все, что нужно.

Чудовищные зеленые очки с мрачными крокодильчиками на дужках и с половинкой диоптрии в левом глазу я бросила в коробку с остальными разнообразными очками, призванными, вероятно, сделать из меня, серенькой, меня же разноцветную, и убрала ее подальше. Голоса из прошлого бывают обидными, но иногда они подсказывают правильные вещи.

Глава 15

Мысли мои переключились на Верочку, которая никак не подходила к телефону. Я понимала, что кроме меня судьбой Верочки обеспокоены ее родственники и, скорей всего, у нее все в порядке... Если бы не смутные и крайне неприятные образы, которые носились у меня в голове. Что-то тянуло и томило меня, как только я начинала о ней думать. Впереди вставала непреодолимая серая пелена, плотная, ужасная...

Перед тем как ехать на эфир, я решила заехать к Верочке. Воскресный эфир – просто подарок мне от судьбы. Вот и решен вопрос с воскресными вечерами, бесконечно тянущимися, если не находится спектакля или концерта, на который бы мне хотелось сходить.

Слава богу, пока в выходные по Москве еще можно проехать, если где-то нет аварии. В будние дни «решить заехать» и действительно попасть в нужное место, да еще вовремя, – дело сложное, иногда нереальное.

Верочка по-прежнему не отвечала на звонки и к трубке домофона не подходила. Что-то мне подсказывало, что она дома и просто не хочет открывать никому дверь.

Я запоздало, но все же позвонила ее дяде, своему шефу. Услышав мой голос, он страшно обрадовался.

– Да родителей ее опять унесло! Взяли моду на каждые выходные мотаться... То во Францию, то в Чехию. Как с цепи сорвались! Всю жизнь просидели в своем Измайлове, и ничего! А тут, понимаешь ли, в Европу им захотелось! А девчонка пропадает совсем... А я вот в Туле застрял, не вернулся еще, с типографией тут проблемы...

Я не стала уточнять, каким образом в субботу-воскресенье можно решить проблемы с типографией. Да и какая мне разница! Я услышала то, что хотела, – от Верочки ни слуху ни духу.

В закрытый подъезд попасть оказалось проще, чем дозвониться моей неожиданной подопечной. Из первой же квартиры, в которую я наобум позвонила по домофону, мне открыли, не спрашивая, кто я и что. Даже сказали: «Давай быстрее, сколько можно ждать!» Мне показалось, что это знак, и я действительно поспешила подняться на седьмой этаж к Верочке.

Я позвонила. За ее дверью было абсолютно тихо. Надо постараться понять, есть ли кто в квартире. Вдруг Верочка у Елика в загородном доме? И все волнения напрасны... Я постояла у двери. И через несколько мгновений могла с точностью сказать – да, в квартире кто-то есть. И не кто-то, а Верочка.

Мне стало нехорошо и тягостно, как будто из щелей ее двери просачивалось невидимое и ядовитое вещество, окутывающее меня с ног до головы, парализующее волю... Та самая серая пелена, душная, страшная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.